

Александр ЖИТИНСКИЙ

Плывун

Роман. Избранные
стихотворения

Александр Житинский

Плывун

«Геликон Плюс»

2012

Житинский А. Н.

Плывун / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс», 2012

Роман «Плывун» стал последним законченным произведением Александра Житинского. В этой книге оказалась с абсолютной точностью предсказана вся русская общественная, политическая и культурная ситуация ближайших лет, вплоть до религиозной розни. «Плывун» – лирическая проза удивительной силы, грустная, точная, в лучших традициях петербургской притчевой фантастики. В издание включены также стихи Александра Житинского, которые он писал в молодости, потом – изредка – на протяжении всей жизни, но печатать отказывался, потому что поэтом себя не считал. Между тем многие критики замечали, что именно в стихах он по-настоящему раскрылся, рассказав, может быть, самое главное о мечтах, отчаянии и мучительном перерождении шестидесятников. Стихи Житинского – его тайный дневник, не имеющий себе равных по исповедальности и трезвости.

© Житинский А. Н., 2012

© Геликон Плюс, 2012

Содержание

Часть 1. Домочадец	6
Глава 1. Куда глаза глядят	6
Глава 2. Минус третий	13
Глава 3. Первая ночь	19
Глава 4.хлопоты	23
Глава 5. Жизнь как на ладони	29
Глава 6. Переезд	34
Глава 7. Новоселье	38
Глава 8. Кладовка	44
Глава 9. Предварительные итоги	49
Глава 10. Подвижка	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Житинский

Плывун

©А. Житинский (наследники), 2012

©«Геликон Плюс», оформление, 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть 1. Домочадец

Глава 1. Куда глаза глядят

В тот день солнце повернуло на зиму, в петербургских дворах быстрым низким пламенем горел тополиный пух, а на улицах особенно отчетливо слышны были одинокие шаги прохожих. Белая ночь наваливалась на город, словно пытаясь задушить его в своих прохладных объятиях. Стало ясно, что прошел еще один год, ибо годы в Петербурге считают именно по летам, а точнее, по проводам белых ночей.

Впрочем, мы начнем с того, что пожилой человек вышел на Первую линию Васильевского острова и закрыл за собою дверь на ключ. Над дверью висела дешевая пластиковая вывеска «Гуманитарный книжный салон “Гелиос”»; когда-то она светила, но вот уже года три как перегорела лампочка внутри, а вывеска покрылась пылью и копотью проезжающих мимо автомашин.

Человеку было на вид лет шестьдесят пять или немного поболее, он был среднего роста, грузен, сед и слегка прихрамывал, что свидетельствовало о болезни суставов. Одет он был в неприметный серый костюм с сорочкой без галстука. На плече висел просторный и по виду пустой портфель на длинном кожаном ремне.

Он был хозяином, директором, главным бухгалтером и продавцом этого книжного салона, который, конечно же, не был никаким салоном, но всего лишь бедной книжной лавкой, а гуманитарность его состояла в том, что там продавались книги, которых хозяин не читал, но читал априори: Хайдеггер, Пруст, Джойс, Бердяев...

В особенности директор благоговел почему-то перед Прустом и старался доставать для своего магазина решительно все издания этого загадочного для него писателя. Дело в том, что он когда-то пробовал читать один из томов «В поисках утраченного времени», кажется, «По направлению к Свану» в переводе Николая Любимова, но дальше первого абзаца не продвинулся. Этот абзац поразил его своей красотой и непонятным словом «метапсихоз». Он перечитывал его много раз, не решаясь двинуться дальше, потому что абзац сам по себе уже был законченным романом, в нем содержалось все что нужно, вся романная формула, если можно так выразиться, подобно тому, как в капле воды содержится формула океана.

Тот спешащий на зов паровозов путник, припоминаящий прощальный разговор под чужой лампой и тешащий себя мыслью о скором возвращении, почему-то неизменно волновал Владимира Николаевича Пирошникова, так звали нашего пожилого книжника.

Правда, книжником его можно было назвать чисто условно, ибо книг в последние годы он почти не читал, лишь торговал ими, рассудив, что прочитал уже вполне достаточно, чтобы развить вкус, а частности повествования все равно позабыл. Он не мог вспомнить толком ни одного рассказа Чехова, кроме тех двух-трех, которые иногда перечитывал, а ведь когда-то читал их все. Гоголь весь был в волшебном тумане, почти как Пруст. Пирошников любил иногда открывать «Мертвые души» на случайной странице и вслух ее зачитывать, обращаясь к невидимой аудитории. Потом захлопывал книжку с треском и мотал головой, приговаривая: «Ах, подлец, какой подлец!..»

Этот метод он часто применял и к новым авторам, неизвестным ему, чтобы определить – достойны ли они занять место на полках его магазина. А именно, начинал читать вслух с любой страницы, иногда даже актерствуя, потом таким же резким хлопком закрывал том, будто стараясь прихлопнуть спрятавшегося там автора, и изрекал с непередаваемым сарказмом: «Шедевральнo!»

После чего книжка летела в угол магазина на столик распродажи, где ее и подбирала Софья Михайловна, пожилая дама, единственная сотрудница книготорговой фирмы – а именно так именовалось заведение Владимира Николаевича на официальном языке, – и читала уже от корки до корки, после чего книга, бывало, занимала-таки законное место на полках магазина, но лишь для того, чтобы обеспечить выручку, придать делу Владимира Николаевича хоть какую-то видимость коммерции.

Блюсти принципы высокой литературы до конца Владимиру Николаевичу не позволял тощий карман. Пруста покупали плохо, да и Гоголь залеживался.

То же самое можно было сказать и о стихах – тайной страсти Пирошникова, совершенно безобидной, потому как он не досаждал ими близким, а лишь записывал иногда в маленький блокнотик, который всегда носил с собою, с пристегнутым к нему простым карандашиком. Он носил его на груди, во внутреннем кармане пиджака, вместе с паспортом.

Страсть эта внешне выражалась лишь в том, что в салоне «Гелиос» в изобилии водились стихотворные сборники, всегдашняя печаль Софьи Михайловны, которая не могла понять такой бесполезной траты торговой площади, ибо стихи продавались из рук вон плохо. Разве что забежит какой автор и, вздыхая, переминаясь с ноги на ногу, виновато купит свой тощий сборничек, чтобы подарить друзьям или важным знакомым, хотя знает, знает наверное, что читать они книжку не станут, а скорее всего свезут на дачу, где изведут на растопку печи или в сортире.

Пирошников, надо отдать ему должное, никогда не предпринимал попыток издания собственных сочинений, хотя стихи его были не хуже многих других и он иногда, выпив с приятелями, читал их вслух за столиком в ресторане или за стойкой в рюмочной, но всегда в ряду других стихов, чужих и любимых, которые помнил во множестве. Просовывал свой стишок между Блоком и Пастернаком, никогда не называя автора, на вопрос же «Чье это?» – отвечал, улыбаясь: «Угадайте». Он и с классиками делал так – читал, не называя, как бы проводя среди приятелей поэтическую викторину. Редко кто угадывал, разве что Пушкина, да и то не сразу.

Собственный вкус не позволял ему издаваться, хотя среди его знакомых были директора небольших издательств, которые, попроси он их об этом, тиснули бы тираж в пару сотен даже бесплатно, из уважения к Пирошникову, за то что он не чурался брать в свою лавку сборники самодельных авторов, издававших себя за свои же деньги. С ними была беда – никуда их не брали, ни в Дом книги, ни в «Буквоед», ни тем более в помпезный «Снарк». Они приходили к Пирошникову, и он ставил стихи на полку, не более трех экземпляров, и обозначал цену.

Цена была мизерная – пятнадцать-двадцать рублей, но и за такую цену этих стихов не покупали.

Классика расходилась лучше, Пушкин всегда был в чести, Пастернак с Ахматовой тоже, а из современников только Бродский, да и то сказать – какой он им современник, – так мстительно думал Пирошников, объединяя в этом местоимении всех нынешних молодых читателей, которые, галдя и дымя сигаретами, сновали туда-сюда мимо его лавки по Первой линии, торопясь в свои университеты и обратно в ночные клубы. Так ему хотелось думать.

Эти молодые люди вызывали в Пирошникове что-то вроде завистливой неприязни. А уж девицы и подавно. При том, что Владимир Николаевич прекрасно понимал, что по отношению к девицам чувство это диктуется полной невозможностью «надкусить с ними запретный плод».

Он иногда выражался изысканно. Как-никак поэт, им простительно.

...Однако мы потеряли его из виду. Где он? Куда направил свои пожилые стопы, выйдя из салона «Гелиос»?

А он уже, пересекши 1-ю линию и пройдя коротким Двинским переулком, оказался в мощенном неровной брусчаткой Тучковом переулке, по которому и последовал к Среднему проспекту.

Брусчатка напомнила ему римские площади, по которым он бродил год назад, вдыхая воздух империи, однако захолустный вид переулка никак не соответствовал величию города и усугубил печальные размышления Пирошникова.

А они были печальны не только потому, что жизнь стремительно катилась к завершению, вроде еще и не начавшись по-настоящему, не от одиночества, внезапно наставшего несколько лет назад, когда распался его очередной брак (их было три равным счетом, если считать гражданские), не от болезней даже, напоминавших о себе ежедневно, а от вполне конкретного краха, наступившего внезапно и именно сегодня.

Владимиру Николаевичу вдруг не стало где жить и работать. Утром он получил по электронной почте письмо, в котором хозяин его съемной квартиры увеличивал квартплату наполовину, что было никак не приемлемо для доходов Пирошникова, а вдобавок на работе его ждала бумага из районного КУГИ, где сообщалось, что фирма «Гелиос» лишается льготы на аренду и со следующего месяца обязана платить не в два, не в три и не в пять раз больше, а ровно в десять. Льгота была королевская, Пирошников платил прежде всего десять процентов от обычной ставки.

Причина официально была в том, что фирма за истекший год дважды нарушала сроки выплаты арендной платы, а неофициально, как догадывался Пирошников, в желании кого-то захватить небольшое, но приятное местечко на 1-й линии, где можно было бы устроить нечто более доходное, чем салон интеллектуальной литературы.

Оба послания по сути дела не просто лишали места, но лишали возможности жить дальше на свой собственный заработок, заставляли побираться у детей, мысль о чем была невыносимой.

Детей у Пирошникова было трое, из них один приемный сын Толик, двое же других – старшая дочь Люба и младшая Аня – были нажиты в разных браках. Про бывших жен и говорить нечего, хотя ни с одной из них он не расстался плохо, со скандалом, но пойти на унижение Владимир Николаевич никогда бы не смог. Все же худо-бедно последние три десятка лет он тянул семейный воз – то один, то другой – и никогда иждивенцем не был. Сейчас же, с одной пенсией на руках и без жилья, оставалось только податься в бомжи.

Комната в коммуналке, где он был когда-то прописан, давно была отдана дочери Любе, рожденной во втором браке – единственном официальном браке Пирошникова. Не отбирать же назад?

Тут как нельзя более некстати встретился на пути железный мусорный контейнер, какие привозят на специальных машинах, – с четырьмя прямоугольными окнами сверху для сброса в них мусора. У двух из них стояли бомжи, роясь в мусоре при помощи палок с крюком на конце.

Пирошников опустил глаза, прошел мимо не глядя. Ему почему-то всегда было неловко, стыдно – и вовсе не за этих несчастных, а за тот порядок вещей, который сделал возможной эту картину.

Настроение испортилось вконец. Он вышел на Средний проспект и увидел светящуюся вывеску итальянского ресторана Мамма Рома. Недавние мысли о римской брусчатке, воспоминания об одной из trattorie Рима, где ему доводилось ужинать, да мерзейшее настроение привели к тому, что Пирошников решительно повернул ко входу и зашел в ресторан.

Он знал, что это заведение ему не по карману. Но охвативший его пофигизм отчаяния с легкостью отверг все благоразумные доводы, да вдобавок хотелось еще немного выпить.

Он сел за столик и заказал скромный ужин – пасту пенне с соусом песто и бокал красного сухого кьянти.

– И пармезаном посыпать, – напомнил он официанту.

Это звучало как музыка или стихи. Паста-пенне-песто. Кьянти-пармезан!

Официант был явно немзыкален.

Потом уже Пирошников выпил еще один бокал и пожалел, что не заказал сразу бутылку. Настроение не улучшилось. Слово «бомж» все более укреплялось в голове, и как бы для того, чтобы подтвердить его и материализовать, Пирошников не направился к метро, когда покинул ресторан, а пошел по Среднему проспекту к близкой набережной, а там повернул к Биржевому мосту.

Отчаяние все более овладевало им, он его бережно взращивал в душе, внутренне рыдая над неправильно прожитой жизнью, которая задумывалась совсем иначе, с неким смыслом и предназначением, а прошла как Бог на душу положил...

Пирошников усмехнулся. Бог все же положил на душу, не кто-нибудь. Вспомнилось из любимого Блока:

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

Эти строчки чуть-чуть его успокоили, так что он смог обратить внимание на красоты белой ночи и на гуляющую по набережной молодежь с пивными банками в руках.

Эти молодые люди, совсем не похожие на молодежь шестидесятых, как уже упоминалось, вызывали сложные чувства в Пирошникове. Не то чтобы он их презирал или ненавидел, но подозревал в отсутствии идеалов и потому относился настороженно, не верил, что им по силам решать какие-то жизненные задачи.

Внутренний чертик Пирошникова тут же вопрошал, какие же такие задачи решил сам Владимир Николаевич или его поколение в целом, и выходило, что задачи какие-то были, но ни одна из них толком не решена, чтобы служить примером и наставлением.

Поэтому лучше было не думать такие мысли, а просто наслаждаться прохладной белой ночью, которая, однако, в этот раз была пасмурна, а оттого темнее обычного. Похоже, собирался дождь. Но даже это обстоятельство не отвратило Пирошникова от маршрута к Биржевому мосту, тогда как следовало идти в обратном направлении, чтобы успеть зайти в метро до закрытия.

Время приближалось к полуночи.

Владимир Николаевич вышел на Стрелку, где было особенно много гуляющих, несмотря на хмурую погоду, и, не раздумывая долго, свернул на Петроградскую через Биржевой мост.

Это было странно для него самого, ибо нога Пирошникова не ступала на Петроградскую не менее десяти лет – и вполне сознательно. Слишком много разных переживаний было связано с этим заколдованным петербургским местом. Здесь когда-то свершился в его судьбе перелом, здесь он едва не погиб, но сумел выкарабкаться из серьезной переделки и начать новую жизнь, от которой годы спустя сам же бежал.

Ему неприятны были эти воспоминания, и сейчас он об этом не думал, поскольку свернул на Петроградскую инстинктивно и пошел далее уже «на автопилоте», как называют ошибочную навигацию не помнящего себя пьяницы.

Но Пирошников отнюдь не был пьян сейчас, как в ту памятную ночь, о которой он не хотел вспоминать. Сходно было внутреннее, а не внешнее состояние. А именно – крах прошлой жизни и полное непонимание того, как жить дальше.

Тогда у него имелся запас в несколько десятков лет, сейчас такого запаса не было, Пирошников находился почти на краю пропасти.

Он заметил справа, в устье Кронверки, еще один плавучий ресторан в виде фрегата, а может быть, корвета, с гуляющей на палубе публикой, а также огромный провал в ряду знакомых с юности зданий – будто зуб вырвали! – на том месте, где было общежитие Университета,

откуда сорок лет назад беспросветной декабрьской ночью он отправился в свое путешествие на том самом автопилоте.

Общежития больше не было, и не нужно было обладать даром прорицателя, чтобы предсказать – что будет на его месте. «Гостиницу построят, как пить дать...» – пробормотал Пирошников и, пройдя мимо ресторанного фрегата с названием «Летучий голландец», оказался на деревянном мосту через Кронверку, ведущем к Петропавловке.

Это была конечная точка его прогулки, она же начальная точка путешествия в неведомую жизнь.

Он словно пытался войти снова в ту же реку, найти то течение, которое вынесло его когда-то из омута пьянства и безделья, поэтому он пошел далее уже вполне осознанно – к своему дому, где прожил не много и не мало – целых четырнадцать лет. Для этого предстояло войти в хитросплетение улочек Петроградской стороны, всегда неожиданных, сколько бы здесь ни прожил. Съезжинская, Сытнинская, Саблинская... «Съехались, насытились, стали саблями махать...» – бормотал Владимир Николаевич, снова, как и сорок лет назад, погружаясь в паутину этих темных даже в белую ночь улиц.

Перед тем поворотом, за которым открывался вид на его прежнее жилище, Пирошников остановился, чтобы отдышаться и набраться духу. Что-то здесь было от возвращения блудного сына, только вот отца в том доме не было и не было никого, кто мог бы понять и простить. За что простить? «За все», – сказал он себе.

И вдруг он увидел справа от себя, в черной подворотне, уходящей во двор-колодец и уставленной зловонными железными баками с мусором, белое движущееся пятнышко. Он шагнул туда и пригляделся. Это был котенок с белой грудкой, сам серый и с виду ухоженный, совсем не похожий на бродячего. И по тому, что он не испугался Пирошникова, а наоборот, устремился к нему навстречу, было понятно, что он домашний, непуганый и доверчивый. Вероятно, подбросили к двери подъезда, а он пошел гулять, не подозревая ни о бродячих собаках, ни о свирепых подростках, насосавшихся пива, ни обо всей этой мерзкой жизни, зловонной, как мусорные баки.

Он подошел совсем близко и посмотрел на Пирошникова вопросительно, как тому показалось.

– Ну куда я тебя возьму? Мне самому идти некуда... – вздохнул Пирошников, отвечая на его немой вопрос.

Котенок чуть наклонил головку. Казалось, он обдумывал эти слова и искал варианты возражений.

– А с другой стороны, – продолжал рассуждать Пирошников, – тебя здесь сожрут.

Молчание котенка выражало полное согласие с этой мыслью.

Пирошников наклонился к нему и поднял на ладони, ощущая кожей его невесомое тельце с крохотными ребрышками под шерсткой. Котенок успел лизнуть Пирошникову ладонь, когда тот протягивал ее к нему, что растрогало Владимира Николаевича, но он, чтобы не показывать это котенку, проворчал только:

– Ишь, какой шустрый. Дипломат!

И котенок был засунут в портфель, а чтобы ему там привольно дышалось, Пирошников откинул крышку портфеля. Вид у него получился расхристанный с висящей крышкой портфеля, но зато котенок был пристроен удобно.

Собственно, теперь следовало по логике вещей ловить такси и мчаться к себе на проспект Ветеранов, по пути прихватив в круглосуточном магазине молока для котенка. Но Пирошников все же решил взглянуть на дом, что-то тянуло его туда, поэтому он повернул за угол и увидел его в ста метрах – старый доходный дом на три парадных, который показался ему меньше, чем был, как бывает, когда возвращаешься к дому детства после долгой разлуки.

Соседние дома были в шесть этажей, дом же Пирошникова насчитывал пять полных этажей и один цокольный, окна которого выходили на улицу вровень с тротуаром.

Вообще что-то в очертаниях дома показалось ему непривычным. Наконец он понял: крыша! Обычной двускатной железной крыши с торчащими из нее трубами и слуховыми окошками на манер скворечен – не было! Вдоль верхней кромки дома тянулась невысокая резная изгородь, по всей видимости, из кованого железа. И за этой изгородью виднелось что-то стеклянное, видимое лишь своей верхней частью, ибо отстояло от ограждения. Некий прозрачный купол, подсвеченный к тому же изнутри.

(«И отлично! И очень правильно!» – отметил он про себя, вспомнив свои приключения на этой крыше.)

Отделка дома изменилась, теперь он был выложен светлыми керамическими плитами, да и парадные показались Пирошникову несколько иными, будто их отремонтировали в современном стиле.

Он направился к среднему парадному и только тут заметил над ним неосвещенную большую вывеску «Бизнес-центр “Петропавловский”», что его изумило, ибо ранее это был обыкновенный жилой дом с коммунальными квартирами. Дверь парадного была приоткрыта, и Пирошников не без боязни вошел туда, чтобы увидеть просторный полутемный вестибюль, отделанный мрамором и никелем, и турникет при входе, рядом с которым находилась будочка, где восседала пожилая женщина, к которой еще вполне можно было применить слово «дама».

Ее лицо показалось смутно знакомым Пирошникову, но открывшийся вестибюль, отнюдь не напоминавший вестибюль бывшего парадного, не дал сосредоточиться на воспоминаниях.

– Ох, как тут стало!.. – невольно охнул Пирошников, на что дама надменно произнесла:

– А вы бы еще дольше не заходили, Владимир Николаевич! Лет двадцать, поди, вас здесь не было.

Пирошников смешался. Он не ожидал, что его узнают, а по голосу сразу вспомнил эту даму, бывшую соседку по коммунальной квартире, Ларису Павловну, с которой... впрочем, это долго и не нужно рассказывать. Важно то, что приятельских отношений между ними не было никогда, но сейчас, за давностью времен, это тоже было неважно.

– Лариса Павловна! – несколько фальшиво воскликнул он, непроизвольно поглаживая левой рукой котенка в портфеле. – Вот уж не ожидал! Я и не узнал сразу...

– А я вас с первого взгляда. Хотя вы изменились, изменились... – покачала головой соседка. – Какими судьбами?

– Да вот. Гулял, – не нашелся что ответить Пирошников.

– Поздненько.

– Да и идти, честно говоря, некуда, – неожиданно признался он. – Выселяют из квартиры.

Лариса Павловна ничуть не удивилась, казалось, ее это сообщение Пирошникова даже обрадовало.

– Тогда вы правильно попали. Есть еще квартиры в нижних этажах. Сдаются.

– Под офис? – спросил Пирошников.

– Да хоть под офис. Хоть подо что.

И она в двух словах объяснила Пирошникову, что инвесторы, перестраивающие старое здание, еще не закончили отделочные работы, хотя офисы верхних этажей уже заполнены – там и квартиры, и служебные помещения. Помещения пониже сдаются. Чем ниже этаж, тем дешевле.

– Правда, остались лишь минусовки, – сказала она.

– Что это значит?

– Этажи ниже первого. Вплоть до минус третьего.

– Вот как. Подвалы... Я слышал, обычно подземные гаражи делают.

– Нет. Ступайте на минус третий. Там много номеров, не отделанные, правда, но все работает, вода, туалет... Там дешевле всего.

– А сколько это – дешевле? – поинтересовался Пирошников.

– Пять долларов за квадратный метр в месяц.

Цена была в самом деле небольшой по нынешним меркам. Она примерно соответствовала той, которую Пирошников платил по льготе, ныне отмененной. И у него как у предпринимателя с опытом сразу закралась мысль снять здесь не только комнату для жилья, но и магазин, он же офис...

Если это правда, конечно, во что пока не верилось. Ну и про бесплатный сыр он помнил всегда. Надобно посмотреть, чем вызваны такие льготы.

– Идите, выбирайте, – приглашающе указала на дверь лифта Лариса Павловна и открыла перед Пирошниковым турникет.

Он прошел в вестибюль и приблизился к металлической двери лифта с кнопками на боковой панели.

– Нажимайте минус три! – скомандовала сторожиха.

Пирошников так и сделал – и провалился вниз с ровным гулом лифта.

Глава 2. Минус третий

Не прошло и минуты, как стальные дверцы не торопясь раздвинулись и Пирошников очутился в коридоре, вдоль которого тянулась узкая, шириною не более полуметра, черная резиновая дорожка на бетонном полу. Почему-то в глаза бросились именно бетонный пол и эта дорожка, казалось, уходящая в бесконечность. Но тут же нахлынул всеми живыми и узнаваемыми запахами жилой дух этого бесконечного коридора в отличие от совершенно стерильного мраморного вестибюля. Где-то вдали играла гармошка, складываясь со звуками доносящегося откуда-то футбольного репортажа. Пахло жареной картошкой с луком – бессмертным русским запахом, – но и другие обонятельные краски уловил нос Пирошникова.

Короче, здесь жили.

Вдоль коридора тянулись двери, некоторые были приоткрыты. Из них выходили люди, куда-то спешили, возвращались – все больше хозяйки с подносами и кухонными полотенцами на плече. Несмотря на поздний час, жизнь здесь бурлила.

Пирошников побрел по резиновому коврику, стараясь вспомнить – что же напоминает ему эта картина, как вдруг сами собой пришли строчки: «Все жили вровень, скромно так, система коридорная: на тридцать восемь комнаток всего одна уборная».

Он вынул котенка из портфеля и поставил на дорожку впереди себя, надеясь вручить ему право выбора квартиры. И котенок не отказался, пошел впереди, важно ступая, пока Пирошников с удивлением оглядывал коридор.

Потолок был довольно низок, не более двух с половиной метров. Вдоль него тянулись белые трубки люминесцентных ламп, источавшие тот больничный безжизненный свет, что сразу напоминает о несчастье.

Двери все были одинаковые, по-видимому, установленные недавно, добротные, отделанные ламинатом, под которым угадывалось железо, и с одинаковыми же табличками номеров. А вот сами стены были кто в лес, кто по дрова. Встречались участки, вымощенные светло-зеленым кафелем, тоже больничного вида, потом внезапно следовал большой кусок стены, оклеенный обоями, и вдруг шла просто плохо оштукатуренная стена, местами с обвалившейся штукатуркой, из-под которой выглядывали ряды старых кирпичей – слежавшихся в плотный монолит. Кладка явно была вековой, если не более, давности.

Впрочем, и кафельный глянец, и обои, и обнаженная штукатурка щедро покрыты были надписями и рисунками в стиле «граффити», что придавало стене, как ни странно, единый стилистический облик.

У Пирошникова даже мелькнула мысль, что он участвует в каком-то странном перформансе в одном из музеев актуального искусства, каких много развелось последнее время во всяких экзотических местах типа ржавых цехов металлургических заводов или заброшенных винных погребов.

Между тем шествие котенка с эскортом в виде пожилого мужчины было замечено обитателями минус третьего этажа, и они то там, то здесь принялись выглядывать из своих комнатушек.

Как вдруг котенок уверенно повернул налево навстречу полуоткрытой двери с номером 19 и вошел туда.

Пирошников последовал за ним.

– Выбрал! – раздался возглас в коридоре.

Пирошников обернулся и успел заметить жгучую брюнетку, стоявшую на пороге двери с номером 18. Она была в халатике и домашних шлепанцах.

Пирошников поднял котенка с пола.

– Предлагаешь жить здесь? – спросил он, серьезно взглянув на него, и принялся обследовать помещение.

Это была небольшая однокомнатная квартира с крохотной прихожей и душевой комнаткой с находящимся там же унитазом, что сразу выводило минус третий этаж из разряда барачных коммунальных коридоров и приравнявало к общежитию или даже гостинице.

Окон, конечно, не было. Вместо них в одной из стен комнаты было устроено углубление в виде окна, куда было вставлено молочное стекло, изнутри подсвеченное теми же люминесцентными лампами, – светящийся белый прямоугольник, еще более подчеркивающий отсутствие натуральных окон. Не было бы его – и забыть бы можно об окнах, но он напоминал, что их нет и не будет никогда.

Вообще помещение более всего походило, конечно, на средневропейскую тюрьму, что усиливалось отверстием для дверного глазка, но сам глазок отсутствовал, так что можно было глядеть в обе стороны. Правда, окошко для раздачи пищи тоже не имелось... Но Пирошников не бывал в средневропейских тюрьмах.

Впечатление усиливала одинокая кушетка с матрасом у одной из стен. Более в комнате не было ничего.

– Как вам бокс? – раздался сзади тот же женский голос. Брюнетка уже вошла за ним в комнату.

На вид ей было лет сорок, она была красива той яркой южной красотой, которой всегда опасался Владимир Николаевич.

– Какой... бокс? – Пирошников на секунду представил боксерский поединок. Он был человеком первого впечатления, прямого понимания реальности, что имело и свои плюсы, и свои минусы.

– Ну комната ваша. Мы их боксами зовем.

– Неплохой... э-э... бокс, – отвечал Пирошников.

– Очень приятный. Вам повезло, его только сегодня отперли, никто не успел занять. Кстати, соседний тоже пустой. Там двухкомнатный... Вы же небось с семейством?

Пирошников не был с семейством, тем не менее послушно проследовал в бокс № 17, оказавшийся двухкомнатной квартирой с комнатами порядка 20 и 12 метров. Он мысленно прибавил 160 долларов к цене первого бокса и тут же сообразил, что даже при слабой торговле аренда отбивается.

Таким образом, магазин «Гелиос» тоже нашел пристанище.

– А две квар... два бокса можно арендовать одному лицу? – спросил он.

– Да сколько хотите. Кухни, увы, общие, в боксах можно держать только микроволновку, – сообщила женщина.

– Спасибо, вы мне очень помогли, – поклонился Владимир Николаевич и назвал себя по имени-отчеству.

– Всегда рада, – улыбнулась она, протягивая ему руку, которую Пирошников и поцеловал, хотя в сущности терпеть не мог стариков, целующих ручки молодым дамам.

– Деметра, – сказала она.

– Что... Деметра? – не понял он.

– Не что, а кто! – рассмеялась она. – Меня так зовут.

– Ах, вот как!..

– У меня здесь салон, – она указала на свою дверь напротив, и тут Пирошников разглядел на ней табличку:

«ДЕМЕТРА.

Эзотерические практики»

– Это... что же обозначает?.. – попытался догадаться он, но она перебила:

– А вот то и обозначает, Владимир Николаевич. Исправление кармы, ворожба, приворот, гадание. Полный комплекс услуг.

– И вы... это все умеете делать?

Деметра взглянула на него долгим соболезнающим взглядом.

– У вас с кармой не все в порядке.

Пирошников плохо знал, что такое «карма», хотя слово слышал.

– А с печенью? Ноет иногда, – пожаловался он.

– Не мой профиль, – ответила Деметра, удаляясь. – Идите к Ларисе, берите у нее бумаги и заполняйте. Чао! – бросила она через плечо и скрылась.

По правде сказать, возвращаться к вахтерше Пирошникову не очень хотелось. Тот эпизод сорокалетней давности, окончившийся для него полным фиаско, он слишком хорошо помнил. Да и она не забыла, женщины такого не забывают. Ну, сделаем вид, что все прошло и быльем поросло.

Владимиру Николаевичу требовались сейчас буквально заливные луга некошеного былья, чтобы покрыть свое прошлое пристойным зеленым газоном наподобие тех, что он видел по телевизору, когда показывали гольф.

И не потому, что там было нагромождение чего-то ужасного, криминального, подлого – нет, этого не было и в помине, но не было другого, о чем затаенно мечталось в юности и молодости, что сейчас без газончика выглядело как невзрачные проплешины жизни, пустые поля надежд.

Ему всегда казалось почему-то, что люди пристально наблюдают за ним и отсчитывают его промахи, а удачи в счет не берут. Странное заблуждение! Оно свидетельствовало прежде всего об амбициях Пирошникова, а совсем не о повышенном внимании к нему окружающих.

Он поднялся к Ларисе Павловне пешком, дабы осмотреть лестничные пролеты нижних этажей. По первому впечатлению «минус третий» был неким гетто, потому что уже на минус втором общий коридор запирался на стеклянную дверь, отделка стен, пола и потолка была полностью закончена и радовала глаз вкусом и опрятностью. Кстати, и помещения здесь распределены были лишь под офисы, о чем свидетельствовали многочисленные золоченые таблички на дверях.

В минус первом, цокольном этаже было то же самое, включая бодрствующего охранника за запертой стеклянной дверью. Он был в униформе и с пистолетом.

«Что же у них еще выше?» – испуганно подумал Пирошников.

Лариса Павловна, освоившись с неожиданностью появления Пирошникова, чем и объяснялся почти радушный прием, перешла на прежние тона, установившиеся меж ними еще в пору их первого знакомства. Она почему-то обращалась к Пирошникову свысока, с едва уловимой насмешкой, а он подобострастно, хотя обстоятельства, вызвавшие эту субординацию, давно канули в Лету. Это доказывает, что субординации зависят более от характеров, чем от положения. И сколько ни возносись какой-нибудь майоришко, хоть до генерала, а к подполковнику своему, у кого начинал служить, будет почтителен особо. Впрочем, скорее с почетом проводит на пенсию.

– Так быстро? – встретила Пирошникова надменным вопросом Лариса Павловна. – Вы прямо-таки хват!.. Да еще номера какие! Лучшие номера! – продолжала она, разглядывая ключи с бирочками, которые предусмотрительно захватил с собою Пирошников. – В вашем духе...

– Что вы имеете в виду? – встрепенулся Пирошников.

– А кто комнату Кирилла захватил в нашей квартире? Скульптора? Не вы разве? – язвительно проговорила она.

Господи, все помнит! Все!

– Он мне разрешил, – возразил Пирошников. – У нас семья была.

Лариса Павловна рассмеялась.

– Семья! То-то вы от нее сбежали, от семьи... Ладно, живите. Кто старое помянет...

– Только я не один... – натянуто улыбнулся Владимир Николаевич, показывая из-за пазухи мордочку котенка, которого он не решился оставить одного в незнакомой комнате.

– Вообще-то Джабраил этого не любит, – проворчала Лариса Павловна. – Собак, кошек... Запрета нет, но... не любит.

Она вручила Пирошникову многочисленные бланки анкет и заявлений для аренды жилья и прописки.

– Заполните завтра и пойдете в бухгалтерию.

– Джабраил – это кто? Хозяин? – спросил Пирошников, разглядывая бумаги.

– Да, собственник.

– Купил этот дом?

– Этот дом ему на сдачу дали, – объяснила Лариса. – Там сделка была миллиардная, город задолжал немного и дал сдачу этим домом. Никто его не брал.

– Почему?

Лариса сделала долгую паузу, пристально взглянув на Пирошникова.

– А вы будто не знаете? Плохая репутация.

У Пирошникова в голове моментально зазвучали первые аккорды песенки Брассанса, которого он любил и хорошо знал: «Дурная репутация». Ему стало весело по обыкновению. Вообще обыкновение Владимира Николаевича как раз в том и состояло, что он смеялся, когда надо бы хмуриться, и наоборот.

Вот сейчас, например, он собирался селиться в доме с дурной репутацией. А кому как не ему знать об этой репутации! Да он сам и создал ее, если на то пошло!

– А что... были еще явления? – понизив голос, спросил Пирошников.

Лариса вновь взглянула на него испытующе.

– А вы ничего не заметили?

– Ну как же! Как же! – взволновался Пирошников. – подземные этажи отстроили... зачем-то. Ремонт капитальный. Не дом, а флагман морского флота. «Петропавловский»!

Лариса Павловна усмехнулась.

– Вот уж точно. Флагман... Только это тайна. Сами узнаете, когда нужно.

– Ну уж и тайна! – нервно усмехнулся Пирошников.

Однако вахтерша более ничего не добавила, и Пирошников вынужден был спуститься к себе на этаж устраиваться на ночлег.

Глава 3. Первая ночь

И все-таки любопытство было сильнее желания заснуть, которого, надо признаться, не было вовсе. Поэтому Пирошников, оставив котенка на тахте в своей новой квартире и наказав ему спать, запер за собою дверь и направился по коридору осматривать окрестности.

Движение и суeta поуспокоились, за дверями было уже тихо, лишь бубнил где-то поздний телевизор да доносились откуда-то звуки перебранки, прерываемые грохотом мебели. По-видимому, там кидались стульями.

В немногих же боксах, занятых под офисы фирмами, стояла мертвая тишина. Впрочем, и там изредка что-то попискивало, какие-то электронные приборы – охраны или пожарной сигнализации, да с шуршанием выползали листы ночных рассылок из факсовых аппаратов.

Кроме ЧП «Деметра» с приворотами и ворожбой Пирошников насчитал еще три организации: частную школу «Меч самурая», занимавшуюся обучением восточным единоборствам, салон красоты «Галатей», в самом же конце коридора Пирошников уперся в вывеску «Приют домочадца». Это было круглосуточное кафе, о чем свидетельствовало число 24, намалеванное прямо на двери красной краской.

Дверь кафе была приоткрыта. Пирошников сунул туда нос и увидел, как и следовало ожидать, дремлющую за стойкой на высоком табурете буфетчицу да одного-единственного посетителя, который восседал за столиком с недопитой кружкой пива.

Это и был, по всей вероятности, единственный ночной домочадец, нашедший подземный приют в собственном доме, ибо предположить, что он забрел сюда издалека, вряд ли было возможно.

Домочадцу было на вид немного за сорок, это был крепкий мужик с короткой стрижкой, то ли бывший спортсмен, то ли военный. Завидев Пирошникова, он приветственно взмахнул рукой и сделал приглашающий жест – заходи, мол. Пирошникову ничего не оставалось, как принять это предложение. Впрочем, ничто в нем и не протестовало.

Буфетчица приоткрыла глаза и взглянула на нового гостя сквозь ресницы. Взгляд ее был равнодушен, как природа у Пушкина, что невзначай отметил про себя Пирошников.

А поздний домочадец, сменив направление жеста с взлета на крутое пикирование, коим он указал место на стуле напротив себя, благополучно привел Пирошникова на посадку. Возможно, он был диспетчером гражданской авиации.

Не опуская руку на стол, он протянул ее Пирошникову.

– Геннадий, – сказал он.

– Владимир Николаевич, – ответил Пирошников, пожимая ему руку.

Он всегда представлялся по имени-отчеству вовсе не из большого самоуважения, а просто по русскому обычаю, и ждал того же от других, независимо от возраста. Было что-то чрезвычайно милое в старинной дворянской манере называть по имени-отчеству даже молоденьких барышень, кадетов, студентов. Но молодые люди давно уже утратили эту привычку, а затем перенесли ее и на старшее поколение. Пирошникову казалось, что в обращении к пожилому человеку просто по имени со стороны незнакомца есть что-то чуждое, американское.

«Владимир, мы выпустили новую книгу. Это стихи Веры Сметанкиной, первая книга молодого поэта. Мы знаем, что вы берете стихи, Владимир. Сколько экземпляров вам завезти?» – примерно так обращалась к нему по телефону молоденькая сотрудница одного издательства, ведающая реализацией продукции.

И ведь знала, как его полное имя и сколько ему лет, но этот стиль выглядел более деловым, что ли, и стал чуть ли не повсеместным.

«Привезите пять экземпляров, Марина Игоревна, будьте так любезны», – обычно отвечал на это Пирошников, но ирония не замечалась. «Спасибо, Владимир. Завтра завезем».

Пирошников вешал трубку, приговаривая: «Нормально, Григорий! Отлично, Константин».

Но на этот раз беседа развивалась иначе.

Геннадий обратил взгляд на заснувшую снова буфетчицу и распорядился:

– Клава, кружку пива Владимиру Николаевичу.

Буфетчица, практически не просыпаясь, подставила пивную кружку под струйку пива из краника.

– Спасибо, зачем вы... Я и сам, – Пирошников смутился.

– Я вас узнал. Я ведь вот с таких лет вас помню, – показал Геннадий размер примерно в два вершка от стола.

– Откуда? – удивился Пирошников.

– Вы же здесь жили. И я уже сорок пять лет живу. Мы с вашим Толиком в одном классе были... Помните, вы его на велосипеде учили, он упал, коленку расшиб? А пока вы его домой увели, я на велике вашем катался. Вы мне разрешили...

– Правда? Нет, не помню, – признался Пирошников.

– А как мы прятались от вас на лестнице? Это когда курить начинали, – продолжал Геннадий.

И этого не помнил Пирошников. Впрочем, нет. Был какой-то семейный скандал по поводу курения Толика. Ему тогда еще семнадцати не исполнилось. Наденька плакала, Пирошников вяло излагал основы антитабачной пропаганды. Он тогда уже висел на волоске в своем нечаянном семействе. Вскоре они с Наденькой расстались, и Толик, вполне естественно, воспринял это как предательство отца.

Впрочем, отцом он Пирошникова не называл никогда. Да и Наденьку не сразу стал звать мамой, ибо воспитывался до шести лет ее родителями, тому были причины.

Пирошникову дано было другое имя, но гораздо позже.

– А помните, как вы нам стихи читали? – спросил вдруг Геннадий.

– Стихи? – вздрогнул Пирошников.

– Да, про этого... Который погиб в Антарктиде. Я фамилию забыл.

Да, это он помнил. Толик и его друг были первыми слушателями той баллады. Дописав ее в пустующей комнате коммуналки и перечитав несколько раз, Пирошников вернулся в комнату Наденьки, где Толик с другом обклеивали вырезанными из журнала портретами «битлов» обложки школьных учебников, и с ходу ошаршил их этой балладой. Ему необходимо было кому-нибудь ее прочитать. Баллада была длинной и пафосной, ее тяжелый трехстопный анапест застал врасплох юных битломанов, к концу баллады они совсем осоловели.

Затем Пирошников рассказал им о герое баллады, сопроводив рассказ назиданием о предназначении человека, его пути, подвиге и бессмертии. Его тогда занимали эти вопросы, которые сегодня выглядели не то что неуместными, но даже какими-то стыдными.

– Нет, не помню. Отшибло память, – с некоторым раздражением проговорил Пирошников и придвинул к себе кружку пива, поднесенную буфетчицей.

– Жалко, – разочарованно протянул Геннадий. – А я этого англичанина помню, как он замерзал. И письма писал родным. Вот фамилию забыл.

– Роберт Скотт, – сухо сказал Пирошников.

Ему вдруг сделалось неприятно от этих воспоминаний, будто вспоминали не о нем, а о каком-то близком, но умершем человеке.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал он.

– А пиво? Николаич, нельзя оставлять! – слегка охмелевший Геннадий впервые назвал его домашним именем, которое образовалось само собою, когда Пирошников остался здесь жить, стал своим, хотя, по правде сказать, так никогда им и не стал.

Пирошников поспешно сделал большой глоток, только бы побыстрее отвязаться.

– Куда ж ты пойдешь? Ночь на дворе, – не унимался Геннадий.

– Я здесь ночую. Снял комнату и помещение под магазин. Еще увидимся.

– О как! – удивился Геннадий. – Завтра я отсыпаюсь. Потом зайду. Может, чего помочь? Я здесь вес имею.

– Заходи, конечно – сказал Пирошников и удалился к себе по коридору, освещенному мерцающим больничным светом люминесцентных ламп.

На душе у него, признаться, было мерзостно. Он не рассчитывал так быстро столкнуться с собственным прошлым и с людьми, помнящими его прежним, каким он себя уже сам не помнил, а точнее, запретил помнить. Писал стихи в мастерской Кирилла, уставленной гипсовыми головами античных героев. Толковал пацанам о предназначении! Николаич, твою мать! Небось, волновался, когда читал им стихи. Он всегда волновался, иногда до слез в самых пафосных местах, а пафоса у него в стихах было полным-полно. Вот уж цирк так цирк. Стыдобщица.

Зачем он сюда приперся?

Пирошников открыл дверь своего бокса и увидел котенка, который спал, свернувшись калачиком, на тахте. Он подошел к котенку и положил ладонь на его теплый шерстяной бочок.

– Ну что, Николаич, будем жить здесь? – неожиданно проговорил он, обращаясь не к себе, а больше к котенку, как бы перенося всю свою далекую молодую жизнь на этого найденыша из подворотни.

Котенок потянулся и раскрыл глаза.

– Хотя нельзя дважды войти в одну и ту же реку, – наставительно произнес он, но вовремя вспомнил пацанов, которым читал балладу, и рассмеялся. – Не бери в голову, Николаич!

Пирошников подошел к искусственному светящемуся окну и нашел выключатель. Точнее, это был регулятор освещенности, благодаря которому можно было заставить окно светиться чуть заметно. Это было разумно сделано, рассудил Пирошников, иначе тьма стала бы кромешной.

Пирошников снял пиджак и туфли, приподнял котенка и устроился на тахте, подложив под голову пустой портфель вместо подушки. Николаича положил под бок.

– Не раздавить бы тебя ненароком. Ты вопи, если что, – проворчал Пирошников и прикрыл глаза.

Однако заснуть сразу не удалось. Слабо светящийся прямоугольник напомнил ему каюту на второй палубе финского теплохода, на котором ему приходилось плавать из Хельсинки в Стокгольм. На заре своей книготорговой деятельности Пирошникову довелось пару раз участвовать в ежегодной Гетеборгской книжной ярмарке по приглашению шведов, которые оплачивали размещение на выставке. Но проезд участники оплачивали сами и брали самые дешевые каюты на второй палубе, находящейся под кардеком – автомобильной палубой – и гораздо ниже ватерлинии. Там он видел такие фальшокна, ощущения обитателя подводной лодки были не из приятных. Но там хоть не было так тихо, ровно гудели машины корабля, при качке слышались удары волн, разбивавшихся о борт.

Здесь же тишина была полной. Не слышно было даже шума вентиляции, которая, несомненно, имела где-то на минус третьем. Иначе все бы задохнулось. Единственное, что нарушало тишину, – это слабые периодические потрескивания, скорее даже короткие шуршания, происходившие с интервалом в несколько минут.

«Может быть, мыши?» – подумал Пирошников.

О крысах думать не хотелось, хотя именно они и живут в питерских домах, никак не мыши. Когда еще подрастет Николаич, да и сможет ли он отвадить их? Надо осмотреть все щели, поднять плинтусы... Надо снова обустройства жизнь. Сколько раз это уже было...

Он взглянул на котенка. Новоявленный Николаич тоже не спал, поблескивал в полутьме умными глазками, располагавшими к беседе. Пирошников придвинул его к себе, чтобы ощутить тепло.

Собственно, вот что тебе нужно: ощущать тепло кого-то маленького и беззащитного, подумал он.

– А на самом деле, Николаич, это все сентиментальная чушь, – прошептал он котенку. – Просто у меня большое сердце и ноги, мне много лет и жить осталось всего ничего. А за спиной ошметки чего-то, что казалось важным и нужным, но почему-то не состоялось. Не состоялось, Николаич! Потому что надо бить в одну точку. Долбить камень по капле. Если ты, допустим, посвятишь себя борьбе с мышами или даже с крысами – не сворачивай с этого пути. Тебя будут звать на кошачий подиум, на выставки котов, морда у тебя изумительная. Не поддавайся, Николаич! Лови мышей, профессионально лови мышей! Я не ловил мышей. То есть ловил, но так, по мелочам...

Котенок Николаич внимательно слушал Пирошникова, должно быть, поражаясь внутреннему раздраю, в котором пребывал его спаситель от бродячих собак. Он впервые сталкивался с довольно пожилым человеком, который беседовал с ним как с равным и даже в чем-то признавал первенство.

– Тебе еще жить и жить, – горячо продолжал Пирошников. – Сейчас мы плывем в этой каюте под землей, но мы выплывем. У нас хватит сил. Ты мне поможешь...

Пирошников погладил котенка, и Николаич снова благодарно лизнул его руку.

А Пирошников, закончив эту маленькую медитацию на прилудном котенке, наконец провалился в сон.

Снилось ему, будто он летает над землей – плавно и не очень высоко, на уровне малых птиц, а в небе над ним проплывают узкими острыми клиньями какие-то белые птицы – может быть, журавли или лебеди, – бесшумно скользя по голубому своду небес.

Глава 4. Хлопоты

Разбудил его настойчивый стук в дверь.

– Поднимайтесь, сосед! Уже одиннадцатый час, – раздался за дверью голос Деметры.

Пирошников открыл глаза и увидел ровно то же самое, что и ночью: крошечную темноту и фосфоресцирующий прямоугольник поддельного окна. Понадобилось несколько секунд, чтобы понять – где он находится и почему. И вместе с ощущением дежавю тридцатипятилетней давности неожиданно возникло странное чувство, что он дома, в родном месте, каким бы оно ни было, но где началась его судьба и где она, наверное, закончится.

Радости ему это не доставило, впрочем, и огорчения тоже. Это было правильно, нормально, как любил говорить Пирошников. Ему нравилось ощущение нормы во всем как некоей жизненной основы, заданной свыше, о которой не нужно долго рассуждать. Всякие же отступления от нормы принимались им, если были вызваны достаточно глубокими причинами, а не просто желанием во что бы то ни стало уклониться от нормы.

Нормой человеческой жизни был круг и возвращение к исходной точке. Другое дело, что следовать норме становилось все труднее с годами, так что норма сделалась скорее исключением из повседневной практики жизни, не переставая оставаться нормой.

Однако если само возвращение на круги своя было чем-то закономерным, сами обстоятельства этого возвращения следовало признать абсолютно случайными. И конечно, создающими массу хлопот для одинокого пожилого человека, обремененного болезнями.

Потому Пирошников, добравшись до окна и включив свет на полную мощность, с тоской обозрел пустые стены и поковылял открывать дверь соседке. Лишь котенок Николаич, важно разгуливающий по пустой комнате, радовал глаз, все остальное порождало кучу вопросов и проблем.

Как переезжать? Что следует взять с собой? Во сколько встанет этот переезд, включая перевозку всех товарных запасов лавки и ее оборудования? Станет ли работать здесь его неизменная помощница Софья Михайловна – преданная ему и делу, но неизменно выступавшая в роли оппозиции?

Наконец, стоит ли вся эта овчинка выделки? Не следует ли, пока не поздно, отказаться от этого не бесплатного, но весьма дешевого сыра?

Он открыл дверь. На пороге стояла Деметра в простеньком, но элегантном домашнем костюме и с подносом в руках.

На подносе располагался завтрак для соседей: плошка молока для Николаича и сосиски с пюре и кофе для Пирошникова.

– Ну что вы! Мне, право, неловко... – смутился Пирошников.

– Неловко штаны через голову надевать, – парировала соседка. – Садитесь, ешьте.

Пирошников послушно уселся на тахту, поднос положил к себе на колени и принялся есть. Деметра поставила плошку с молоком на пол и поднесла к ней котенка. Николаич столь же послушно принялся лакать молоко. Они с Пирошниковым были подходящей парой.

– Как его зовут? – поинтересовалась соседка, присев на корточки и поглаживая котенка.

– Николаич, – сообщил Пирошников, отхлебывая кофе.

– Вот как! – удивилась она. – Выходит, вы с ним братья? Это же отчество. А как же имя?

– Найдён, – мгновенно придумал Пирошников. – Найдён Николаевич. Он болгарин. Но его так никто не зовет. Зовут по-русски – Николаич.

– Значит, вы тоже болгарин? – не унималась соседка.

– Значит, болгарин, – Пирошников поник головой. Кем только не приходилось быть ему в этой жизни.

– Врете вы все, – сказала Деметра, поднимаясь на ноги. – Когда обустроиваться будете? Зовите, если что. Мы тут друг другу помогаем. Не то что наверху.

– Мы – это домочадцы? – догадался Пирошников.

– Как вы сказали? Почему домочадцы? Соседи.

– Ну у вас же тут кафе – «Приют домочадца». Значит, вы и есть домочадцы.

Деметра рассмеялась.

– Домочадцы! Надо же... – Ей понравилось это забытое слово. – Расскажу соседям. Домочадцы... Вы придумщик, Владимир Николаевич.

И она ушла, забрав поднос с посудой.

– Да, я большой придумщик, Николаич, – обратился Пирошников к котенку. – Такую жизнь себе придумал. Забавную.

Он кряхтя поднялся на ноги. По утрам, пока не разработается, очень болел тазобедренный сустав слева. Это был артроз, уже запущенный, но еще позволявший с грехом пополам ходить. Однако переносить тяжести уже было невозможно. Боль становилась слишком сильной.

Пирошников еще раз оглядел пустую комнату, словно окончательно решаясь ринуться в опасное предприятие, и погрузился в изучение бумаг. Ничего сложного в них не было – бланки заявления на предоставление площади в аренду, договоры аренды и анкеты для регистрации по месту жительства для физических лиц (домочадцев). Документов было много, он проглядывал их по диагонали и завершил изучение недочитав.

Пирошников терпеть не мог заполнять официальные бумаги. В «Гелиосе» это всегда делала за него Софья Михайловна, она, наоборот, любила это занятие и относилась к нему трепетно.

Вот и сейчас он решил свалить это дело на нее, кроме двух заявлений на аренду, которые он и заполнил в бухгалтерии бизнес-центра, оставив Николаича в комнате и обещав ему вернуться как можно скорее.

В будочке сидел уже незнакомый вахтер, который, однако, знал о появлении нового арендатора от Ларисы Павловны и направил его куда следует.

В бухгалтерии Пирошников застолбил места двумя заявлениями и пообещал сдать остальные бумаги сегодня же.

Выйдя на улицу, он перешел на другую сторону, чтобы окинуть дом взглядом при дневном свете.

Дом и вправду чем-то напоминал многопалубный теплоход с ровными рядами окон из стеклопакетов, окаймленных к тому же лепными бордюрами с закругленными углами, что придавало окнам отдаленное сходство с иллюминаторами. Крыша с коваными перилами имела надстройку в центре, видимую отсюда лишь своею верхней частью, но несомненно, напоминающую капитанскую рубку корабля. Над нею хотелось видеть флаг – но какой? – подумалось Пирошникову. Впрочем, размышлять на эту тему времени не было, и Владимир Николаевич пошел обратно в свою книжную лавку тем же путем, что шел ночью сюда.

По дороге он успокоился, обдумывая все плюсы и минусы предстоящего переезда.

Минусы были очевидны: всякий переезд требует времени, денег и траты сил. Запас всего этого у Пирошникова был весьма ограничен. Кроме того, не совсем удобно было доставлять книги в магазин, но Пирошников брал у издательств на реализацию такие малые партии, которые легко перевозились в сумке.

Ну а минус в лице круглосуточного вахтера и турникетов, как надеялся Пирошников, легко преодолевался постоянными пропусками и договоренностью с охраной.

Но имелись и плюсы. Близость жилья и работы, это раз, наличие рядом в коридоре достаточно просторного кафе, где можно было бы устраивать презентации книг, это два, да и вообще постоянный контингент читателей в виде домочадцев и многочисленного офисного персонала, работающего в бизнес-центре.

«Здесь можно сделать клуб, – мечтательно подумал Пирошников. – Надо привлечь стихоплетов».

Стихоплетами он называл участников литературного объединения «Стихия», что расшифровывалось как «Стихи и Я». В основном там были довольно молодые и талантливые люди, обладавшие к тому же завидной способностью просовывать свои стихи в любые щели и находить аудиторию в самых неожиданных местах.

Известна, и даже скандально известна в связи с приводами в милицию, была их стиховая акция «Стоп-кранты», состоявшая в том, что группа стихоплетов останавливала с помощью стоп-крана поезд метро в тоннеле посередине между станциями и устраивала поэтические чтения. Пассажирам не оставалось ничего другого, как слушать стихи. Зато на следующей станции поэтов уже поджидал наряд милиции.

Рекламный эффект этой акции был огромен. Пирошников продал под «Стоп-кранты» не одну пачку поэтических сборников.

Он пришел в «Гелиос» в начале двенадцатого. Софья Михайловна была на месте и встретила его скорбным взглядом, памятуя печальное окончание их вчерашнего разговора о необходимости искать новое место для лавки. Однако Пирошников обрел уже необходимую бодрость духа и с ходу ошарашил помощницу сообщением.

– Я нашел новое место!

– Господи! Да когда ж успели? – удивилась Софья Михайловна.

– Ночью! В полночь!

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах, —

продекламировал он

– Лермонтов. «Из Зейдлица», – назвала первоисточник Софья Михайловна. – И где же мы будем жить?

– В бизнес-центре «Петропавловский».

– Да вы с ума сошли, Владимир Николаевич! Откуда деньги? В бизнес-центрах жуткие расценки на аренду.

– Ну это моя проблема, – сказал Пирошников.

Софья обиженно поджала губы. Она не любила, когда шеф указывал ей пределы ее компетенции.

– Значит, так, Софья Михайловна. Садитесь, заполняйте бланки. Свою анкету я заполню сам. Лавку закрываем. Напишите пока: «На переучет»... Сегодня я должен сдать документы. А дальше начинаем паковать книги.

– Охо-хонюшки-хохо, – проговорила Софья.

Пирошников извлек из сейфа ноутбук и уселся с ним за столик с телефоном в углу магазина, чтобы начать необходимые телефонные переговоры, связанные с переездом, а заодно делать заметки на компьютере.

Звонить нужно было в районный КУГИ, «Петерстар», банк, грузоперевозчикам, хозяину съемной квартиры, наконец. В перерыве между разговорами он заполнял личную анкету на регистрацию.

Софья Михайловна прилежно готовила остальные бумаги, время от времени причитая и делая неутешительные прогнозы.

– И вот вам, пожалуйста... – плаксиво начала она.

– Что? – не отрываясь от телефона, спросил Пирошников.

– «Я осведомлен об особенностях арендуемой площади и условиях конфиденциальности...» – прочла Софья. – Тут эти условия на пяти страницах приложены.

– Ничего страшного. Дом непростой, потому и дешевая аренда... Я забыл вам сказать, магазин подземный, – небрежно бросил Пирошников.

Софья замерла.

– Как... подземный?

– Он в подвале. Минус третий этаж.

– Вы шутите? – снова обиделась Софья.

– Нисколько. Это даже оригинально будет.

– Представляю, – иронически отозвалась она. – Кто ж туда пойдет, в подвал?

– Да там полно народу. Чады и домочадцы.

– Чады? – не поняла она. – Какие чады?

Софья Михайловна не любила непонятных шуток Пирошникова. С ним всегда нужно было быть настороже, опасаясь подвоха. Честно говоря, она страдала из-за его несолидности. В других магазинах директора были серьезнее. Не говоря о том, что и денег у них было побольше.

– Ну дети типа, – пояснил Пирошников.

– Владимир Николаевич! Опять вы это «типа»! Ну нельзя так говорить! – взмолилась Софья.

– То есть дети как бы, – продолжал поддразнивать ее Пирошников.

– Как бы... Боже, опять! И откуда там дети, в бизнес-центре?

– Сам удивляюсь. Но они есть... У вас готово?

Пирошников взял стопку аккуратно заполненных бланков, подписал все не глядя, как обычно, похвалил свою помощницу и отбыл в бизнес-центр оформлять аренду.

Ноутбук он сунул в портфель, прихватил и томик Пушкина из старой серии «Сокровища лирической поэзии», которую тщательно собирал когда-то. Пушкин не раз помогал ему добиться душевного равновесия.

Ему не верилось, что все пройдет гладко, так не бывает, чтобы вдруг получить и квартиру, и помещение под магазин по сравнительно дешевой цене. Обязательно случится какая-нибудь заковыка. С другой стороны, беспокоила мысль о том, не попался ли он на удочку каким-нибудь аферистам и не аукнется ли эта дешевизна какими-нибудь неприятностями в дальнейшем.

«Э! Где наша не пропадала!» – решил Пирошников.

Надо сказать, что «наша» где только не пропадала, это точно. Магазин дважды грабили, хоть грабить там было нечего, кроме кассового аппарата и старого компьютера Софьи, приходилось и платить какой-то мифической «крыше», какому-то Николаю без отчества, который регулярно появлялся, чтобы снять свои сто долларов, а потом вдруг исчез навсегда, будто его и не было, а недавно нагрянули из милиции с целью проверки легитимности программного обеспечения на компьютере.

– У вас Виндоуз нелицензионная! – заявил молодой человек, показав удостоверение и загрузив операционную систему на компьютере Софьи.

– А у вас лицензионная? – удивился Пирошников.

Мент рассмеялся и ушел. Ловить в этой лавке было нечего.

Оформление в бухгалтерии прошло на удивление быстро и беспрепятственно. Пирошникову сказали, что как только он внесет арендную плату за месяц вперед, так сразу может завозить вещи. И Владимир Николаевич снова поспешил обратно, если можно назвать его передвижение поспешным, чтобы успеть оформить платежку на компьютере сразу за оба помещения. Он по совместительству был бухгалтером своей фирмы и умел пользоваться интернет-банкингом.

Софья уже паковала книги, освобождала стеллажи. Пирошников промерил рулеткой и записал размеры всех стеллажей, чтобы прикинуть на новом месте, как их ставить.

Затем он вернулся в бизнес-центр, зайдя в магазин по пути, чтобы купить еды себе и Николаичу.

До дому он так и не добрался, а все из-за котенка. Не оставлять же его голодным на ночь. Значит, снова предстояло спать на пустой тахте с портфелем вместо подушки. Но хоть так, лишь бы прекратить эту беготню и отдохнуть, потому что ноги уже болели невыносимо.

Однако отдохнуть не пришлось. Лишь только он переступил порог комнаты, как увидел посреди нее на полу лужицу, происхождение которой было очевидно. Пирошников в досаде хлопнул себя по лбу. Ну как он не подумал!

Пришлось снова выйти на улицу, оставив Николаичу молока и колбасы, и добрести до Сытного рынка, рядом с которым имелся зоомагазин, а там купить кошачий туалет с какими-то гранулами вместо песка. Надо признаться, Пирошников никогда не держал кошек. В той первой квартире в этом доме, где он нашел приют в свое время, жила кошка Маугли, но не он за нею ухаживал, да и было это Бог весть когда.

Дело уже близилось к вечеру. Подходя к дому, Пирошников вдруг в который раз остро ощутил нелепость своего вида, положения и обстоятельств. В самом деле, пожилой человек в мятом костюме, небритый, с кошачьим туалетом под мышкой, спешащий, прихрамывая, в подвал, где ждут его пустая комната с тахтой без подушки и перспектива начинать все сначала, когда тебе уже скоро семьдесят... Такой человек мог вызвать удивление, сочувствие, но не уважение.

«В твоём возрасте положено иметь личную машину с водителем и парочку шестерок, которым достаточно отдать приказание – и все будет сделано!» – выговаривал себе Пирошников, но вовсе не злобно, а по привычке, потому что понимал, что рисуемая им модель вельможной старости вовсе не для него, а ему больше годится правило «бросить все и начать сначала». В этом он, как ни странно, находил какое-то удовлетворение, иногда мучительное.

И конечно, нелепость никому и ни за что не отдал бы Пирошников. Причем не то чтобы он был нелеп от природы – косорукий, косорылый или кривобокий. Он был нелеп внутренне, и это не всеми даже замечалось, его часто принимали за нормального человека, тогда как именно нелепость и была нормой Пирошникова, к тому же Владимир Николаевич, как мог, эту нелепость скрывал, отчего выходило еще нелепее.

Спустившись на минус третий, он увидел напротив своей двери в коридоре даму весьма среднего возраста, чинно сидевшую на табурете, по-видимому, в очереди к прорицательнице. Деметра вела вечерний прием.

Пирошников затворился у себя, первым делом поставил на пол и подключил ноутбук, чтобы создать хоть какую-то видимость жилья. Затем вынул из портфеля кефир, нарезанную колбасу и батон и принялся все это поедать, сидя на тахте и беседуя с Николаичем, который уже закончил ужин и лежал на полу, растянувшись возле своей площадки.

– А ты знаешь, Николаич, я тебя, пожалуй, назначу исполнительным директором, – начал Пирошников. – Ты будешь зицдиректор, как Фунт. Не читал? У нас бывают нарушения. Софья чеки не пробивает своим покупателям, уклоняемся от налогов. Если что, придется посидеть немного. Котам много не дают, они не олигархи. Котам чаще условно... Как ты на это смотришь?

Николаич смотрел безмятежно. Пирошников же чувствовал, что вся эта бравада для кота, а вернее, для самого себя, ибо что коту до его бравады, лишь вуалирует душевную неустроенность, чтобы не скатиться в отчаяние. И дело было даже не в том, что предстоял тяжелый переезд, обустройство и непонятные перспективы бизнеса на новом месте. Все это раньше он проходил и справлялся. Но сейчас впервые почувствовал, что у него пропала уверенность.

Он вспомнил рекламу дезодоранта. Вот что придает мужчине уверенность! Пирошников выругался про себя. Он никогда в жизни не пользовался дезодорантом.

В дверь постучали. Николаич встрепенулся и оторвал голову от пола.

– Входите! – крикнул Пирошников, не вставая с тахты.

В дверях опять показалась Деметра. Она окинула комнату быстрым понимающим взглядом и заявила:

– Так. Я вижу, у вас конь еще не валялся. Я сейчас.

И она исчезла, чтобы появиться через пять минут со стопкой постельного белья, одеялом и подушкой. Все это она выложила на тахту под протестующие возгласы Пирошникова, успевшего вскочить на ноги.

– Вам застелить? – спросила она.

Пирошников лишь бурно замахал руками. Он весьма опасался женщин, берущих над ним шефство без его согласия. А таких находилось достаточно, ибо он не имел привычки следить за своим внешним видом и вообще заниматься бытовыми подробностями. Ранее он, бывало, подозревал матримониальное начало в такой заботливости, но сейчас? В женихи он явно не годился.

– Мне неудобно, право... – наконец выговорил он.

– Я вам уже говорила, что неудобно, – сказала она. – Перевезете свои вещи – отдадите. Надеюсь, постельное белье у вас есть?

– Да-да, жена приготовит, – закивал Пирошников.

Он ввернул жену так, на всякий случай.

Деметра насмешливо посмотрела на него.

– У вас нет жены. Не сочиняйте... Кстати, если вам неудобно называть меня профессиональным именем, многим это не удастся, то можете звать Диной. Если хотите – Диной Рубе-новной. Но лучше просто Диной.

– Хорошо... Дина, – с некоторым напряжением выговорил Пирошников.

Дина взглянула на компьютер.

– Идемте ко мне, я дам вам табуреты. Поставите ноут, сами сядете. Сможете работать. Кстати, Интернет здесь везде есть, пароль я вам дам.

И она направилась к двери, даже не посмотрев, следует ли за нею Пирошников.

Глава 5. Жизнь как на ладони

Квартира Дины-Деметры поражала резким несоответствием всему, что видел пока Пирошников в этом доме. Ни официальный мраморно-никелевый стиль первого этажа, ни убогий вид коридора в минус третьем никак не вязались с этим уютным, располагающим к отдохновению интерьером. С первого взгляда непонятно было, чем создано это впечатление, но приглядевшись, можно было заметить, что здесь не было ни единой вещи или детали интерьера моложе семи-восьми десятков лет, а то и целого столетия.

Несмотря на то что мебель в гостиной вся была старинная, общий вид не создавал впечатления антикварного магазина, как это иногда бывает у нуворишей, накупивших дорогого старья. Все было подобрано с большим вкусом и служило удобству, а не демонстрации роскоши.

Стены были однотонные, цвета кофе с молоком, а вся мебель темного дерева. Несколько картин в старинных рамах можно было не проверять на подлинность – и так было видно, что это оригиналы, писанные давным-давно. Среди них выделялся портрет молодой женщины, похожей на Дину, в национальном костюме с украшениями.

– Моя бабушка, – пояснила Дина, заметив взгляд Пирошникова. – Это армянский национальный наряд.

На полу были прихотливо разложены тонкие персидские коврики ручной работы, по ним было мягко ступать. Резная темная дверь с медной ручкой вела из гостиной в другую комнату, по-видимому, спальню.

– Садитесь, – указала Дина на диванчик с выгнутыми и тоже резными подлокотниками, перед которым находился низкий стол темного дерева. – Хотите чаю?

– Вы хотели снабдить меня табуретками, – напомнил Пирошников и тут же смутился слова «снабдить», совершенно неуместного в этой старинной обстановке. Да и табуретки тоже... Где эти табуретки, кстати? Здесь не может быть никаких табуреток!

– Одно другому не мешает, – улыбнулась Дина.

Она откинула край персидского ковра, под которым угадывалось что-то вроде скамьи, но там оказались простые, стоящие впритык табуретки, какие можно купить в ИКЕА.

– Вот они. Я их использую в коридоре для клиентов.

– И много у вас клиентов? – спросил Пирошников, разглядывая висящий на стене диплом, выданный Деметре какой-то Академией магических наук.

– Не жалуюсь, – ответила она.

Пирошников присел на диванчик, продолжая разглядывать комнату, а хозяйка скрылась за дверью. Вдруг он заметил боковым зрением какое-то движение в углу, будто в комнате еще кто-то был. Он повернул голову и увидел себя в напольном зеркале, которого он поначалу не заметил, настолько искусно оно было поставлено в углу, так что увидеть свое отражение можно было только сидя на диване. Пирошников почувствовал свою неуместность здесь, среди антиквариата.

Дина вернулась с подносом – конечно, непростым, расписанным национальными армянскими узорами, на котором стояли пиалы, серебряный чайник с выгнутым тонким носиком и тарелочка с печеньем.

Она расположилась напротив Пирошникова на атласном пуфике с кривыми ножками. Чаепитие началось.

– Владимир Николаевич, чувствуйте себя как дома. Расслабьтесь, – сказала хозяйка, улыбаясь, и Пирошниковым вновь овладело беспокойство. Лет пятнадцать назад у него не было бы сомнений, что его соблазняют.

– Не бойтесь меня, я вас не съем, – добавила она и рассмеялась.

– Кто вас знает, – проворчал Пирошников и отхлебнул глоток.

Он почувствовал, что беспокойство исчезло.

– Скажите, если это не секрет, что вас заставило снять квартиру в этом доме да еще в подвале? Судя по обстановке, вы женщина обеспеченная... – спросил Пирошников.

– Да, у меня есть, где жить. Квартира отца в Ереване и здесь, в Питере, однокомнатная. Я тут по профессиональным соображениям...

– Каким же? – удивился Пирошников.

– Они связаны с этим домом. Это непростой дом...

Пирошников поежился. Уж он-то знал, насколько непрост этот дом!

– Здесь чрезвычайно сильное магическое поле. Оно взаимодействует с живущими в доме людьми... – начала Дина.

По ее словам, это взаимодействие разной силы проявлялось тоже по-разному. Легенды рассказывают об удивительных случаях. Еще в конце позапрошлого века, когда дом был построен и заселен арендаторами, его хозяин, промышленник Стрижевский, построивший дом чисто как доходный, внезапно забросил все дела, оставил семью в своем особняке на Каменноостровском близ Карповки, а сам переселился сюда в одну из квартир.

– И что? – вырвалось у Пирошникова, который с чрезвычайным вниманием следил за ее рассказом.

– Говорят, он сошел с ума. Но при этом и его квартира, как бы это сказать... Тоже тронулась. Говорят, в ней можно было летать, то есть в каких-то местах отсутствовала сила тяжести... В этой квартире собирались до революции большевики и плавали там в невесомости. Стрижевский к ним примкнул. Еще что-то подобное говорили...

Пирошников слушал, затаив дыхание.

– Правда, когда он умер, эти явления исчезли, – продолжала она. – А сравнительно недавно в этот дом случайно попал молодой человек, с которым связывают целый ворох чудес. Причем происходили они не только в той самой квартире Стрижевского, где он обосновался, но и на лестнице этого дома. Это было тридцать пять лет назад...

– Сорок, – сказал Пирошников.

– Ну вот видите. Значит, вы тоже знаете эту историю...

– Да уж... – вырвалось у него.

– Ну и в новейшие времена дом вел себя странно, в результате чего мы и сидим на минус третьем этаже.

– А в этом кто виноват? – недоуменно спросил Пирошников. – Ведь молодой человек из этого дома давно выехал?

– Об этом история умалчивает, – ответила она. – Но магия определенно осталась. Я это чувствую по своим клиентам. Результаты превосходные.

Пирошников помолчал. У него на языке вертелся вопрос, но он не решался его задать, боясь обидеть. И все же решился.

– А скажите, Дина, насколько велик среди представителей вашей профессии процент... непрофессионалов? Обманщиков, попросту говоря.

– Вы хотели спросить – не шарлатан ли я? – улыбнулась Дина. – Дайте ваши руки.

– Руки? Зачем?

– Лучше один раз увидеть. Давайте. Обе.

Пирошников нерешительно протянул ей обе руки. Дина мягким движением уложила их на стол и повернула ладонями вверх. Затем она сделала движение ногой, что-то щелкнуло, и откуда-то сверху ударил снопом белый свет, ярко осветивший лежащие на столе ладони Пирошникова.

– Хиромантия, что ли? – догадался он.

Дина не отвечала. Она сосредоточенно разглядывала ладони Пирошникова, изредка дотрагиваясь и проводя по ним пальцами.

– Однако... – сказала она. – Вы разносторонний человек. Много наклонностей и талантов... Но линии не развиваются.

– И какие же это таланты? – чуть насмешливо спросил Пирошников.

– В деловой сфере ваше предназначение лежит в области политики. Но вы родились в такое время, что заниматься политикой в полном смысле слова было невозможно. Ведь членом партии вы так и не стали... Правда, вот тут, видите? – она указала на едва заметную морщинку на ладони Пирошникова. – Вы пробовали уйти в политику в начале девяностых, но это продолжалось недолго.

Пирошников с усмешкой вспомнил анекдотический эпизод своей биографии, когда по настоянию общественности он выдвинул свою кандидатуру на выборах в городскую Думу от партии «Правое дело» и тусовался в их штабе. Партия тогда была на коне, выражение «когда мы придем к власти» было в большом ходу. Но через пару месяцев Пирошников сбежал оттуда, свою кандидатуру снял и более никогда в политику не лез.

Потому он с удивлением узнал сейчас о своем предназначении, которое так занимало его в тридцать лет.

– В творческой области вам следовало стать композитором... – продолжала Деметра. – У вас определенный талант композитора. Вот здесь, видите?

Вот тебе и на! А он стихи писал, как дурак. Когда нужно было сочинять песни и симфонии, как предписывала эта закорючка на его ладони.

Хиромантия давала явные сбои.

– Перейдем к биографии, – проговорила прорицательница.

И она ровным голосом, продолжая легко прикасаться пальцами к ладоням Пирошникова, словно играя неслышимую мелодию, начала рассказ про его жизнь.

Ладони Пирошникова, а точнее, их папиллярные линии, содержали бездну информации о прошлой жизни их обладателя, причем зачастую информации тайной, которую не хотелось бы делать достоянием окружающих.

Так, лет до тридцати судьба Пирошникова складывалась ни шатко, ни валко, зацепиться не за что: школа, полтора курса института, служба в армии, потом различные занятия то тем, то этим – творческая, ищущая натура, которая так ничего и не нашла и до творчества не добралась.

Но в тридцать лет случилось из ряда вон выходящее событие...

Тут Дина взгляделась в ладонь Пирошникова внимательнее и проговорила:

- А ведь это случилось сорок лет назад, вы были правы.
- Что случилось? – безмятежно спросил Пирошников.
- Вы стали жильцом этого дома... Боже мой! Все сходится. Как я не догадалась сразу! Пирошников молчал.
- Вы прожили здесь четырнадцать лет с женщиной и ее сыном. Брак вы не оформляли, – читала Дина по ладони. – Работали в двух местах, что-то такое, близкое к творчеству...
- Редактором, – подсказал Пирошников.
- Гражданской жене изменяли. Вижу два романа, внебрачных детей нет. А потом, в середине восьмидесятых, у вас случился еще один роман. Родилась дочь, я правильно говорю?
- Правильно, – подтвердил Пирошников, волнуясь. – Зовут Люба.
- Молодец, Дина, молодец... – похвалила себя гадалка. – И вы ушли в эту семью и оформили брак. Но тут... – она сделала огорченное лицо, – случилось непредвиденное. Ваша молодая жена сама влюбилась... Нечетко вижу. Военный?
- Да. Военный врач, – уныло согласился Пирошников.
- И вы ушли. Но скоро стали жить с женщиной, с которой... с которой... – она вглядывалась в ладонь. – С нею у вас, кажется, был роман платонический, попытка, так сказать. Точнее, она вас хотела увести еще от первой жены, но не получилось. А теперь все сошлось. И вы стали жить с нею, не расписываясь, по вашему обыкновению. Родилась еще одна дочь...
- Анята, – подсказал Пирошников.
- Ну это вам не компьютер. Имен не печатает, – пошутила Дина. – Это случилось... ага! Семнадцать лет назад. Но вот уже четыре года вы живете один. Все правильно?
- Нет слов! – восхищенно воскликнул Пирошников.
- И вы снова вернулись в свой дом... – задумчиво проговорила Деметра. – Как блудный сын.
- Дина Рубеновна, я беру свои слова назад. Извините, – сказал Пирошников. – Никогда не думал, что хиромантия столь сильна. Вы кудесница.
- Нет, Владимир Николаевич. Кудесник – это вы, – покачала она головой. – Надо же, как мне повезло. Я практически буду в эпицентре.
- Эпицентре чего? – не понял Пирошников.
- Скажите честно, вы валяете дурака? Вы правда не чувствуете своей магической силы? И тогда, сорок лет назад, тоже не догадывались о ней?
- Бог с вами! Какая магическая сила? У меня было временное помутнение рассудка. Потом это прошло, – сказал Пирошников.
- Ну-ну. Оставайтесь в счастливом неведении. Только учтите – мы все теперь зависим от вас.
- Мне только этого не хватало! – рассмеялся Пирошников и, получив в каждую руку по табуретке, отправился восвояси.

Глава 6. Переезд

Безусловно, полученные от Деметры сведения о магической связи между ним и этим проклятым домом способны были потрясти Пирошникова, если бы... Если бы он им поверил.

Однако прошедшие годы, жизненный опыт и торжество разума над мыслью ясно говорили ему, что ничего мистического в его давнем приключении не было. Он даже знал теперь, как на языке психиатрии называлось то явление. Шизофренический шуб. Обычно наблюдается у подростков и чаще всего остается без последствий.

Мысль залетала далеко, разум вставал на пути непреодолимой преградой.

Надо сказать, что Пирошников вовсе не был убежденным материалистом. Он верил, вернее, допускал, а еще вернее – надеялся, что земной опыт не исчерпывает бесконечного разнообразия возможностей, что есть силы и явления, неподвластные тому самому разуму, но допустить, что он, Владимир Николаевич Пирошников, был как-то лично связан с ними, мог влиять на них, было слишком самонадеянным.

Пирошников был бесконечно мал перед Богом, но он был мал и перед Домом, который теперь, после рассказа Деметры, разросся в его сознании до внушительных размеров, явно превосходивших реальную величину, и обрел даже грозные очертания стихии. Он вспоминал свои злключения здесь и поеживался. Не дай Бог они повторятся!

Но Бог хитер, но не злонамерен. Ничего, хоть сколько-нибудь похожего на мистические приходы, пока не обнаруживалось.

А поскольку все внимание Пирошникова было обращено на обустройство в Доме, то он пока забыл думать о высших материях, а сосредоточился на прозе жизни.

На следующий день, как и обещал, пришел Геннадий.

Он застал Владимира Николаевича за весьма прозаическим занятием: Пирошников обмеривал стены будущего магазина рулеткой на предмет установки стеллажей. Места для всех стеллажей явно не хватало, придется сокращать ассортимент, думал Владимир Николаевич, и уже мысленно прощался с какими-то книгами, сериями и даже издательствами, оставляя лишь любимое – независимо от того, насколько это любимое могло содействовать процветанию лавки.

Выходило, что никак не могло, потому что Пирошников мог расстаться с любимыми книгами, но только не с теми, где слова складывались в волнующую музыку и сжимали сердце.

Он не мог расстаться со стихами; хотя, признаться, далеко не каждая книжка стихов могла привести его в волнение, но он допускал, что она способна разбудить кого-то другого, если, конечно, это были стихи. Отличать стихи от графоманских поделок Пирошников умел.

И вот, пока он, чертыхаясь, тянул рулетку вдоль стены, в голове его зарождался прекрасный и прекрасодушный план единственного в Питере магазина поэзии, где на полках не будет ничего, кроме стихов, и где станут собираться возвышенные душою читатели и декламировать друг другу проникновенные строки любимых поэтов.

Пирошников смахнул слезу и выматерился про себя, настолько это было восхитительно.

Он понимал, что план безумен, но безумные планы как раз были его коньком. Поэтому фантазия тянула его дальше и рисовала всеобщее помягчение нравов – сначала в населенном подземном бункере, каким и являлся минус третий этаж, а потом и выше, выше, много выше... аж до самой Красной площади, где «всего круглей земля»... Пирошников опять осадил себя энергичным внутренним междометием.

Тут и явился Геннадий с конкретным деловым предложением. А именно, он пообещал снарядить в помощь Пирошникову четверых охранников, свободных от вахты, в качестве грузчиков, а также взял на себя организацию фургона.

– Я могу заказать по объявлению... – возразил Пирошников.

– У меня дешевле выйдет. Свои кореша, – ответил Геннадий.

И действительно, через три дня, когда Владимир Николаевич подготовил свои пожитки на съемной квартире для переезда, а Софья Михайловна закончила паковать поэтические сборники и отдавать за бесценок или обменивать на ту же поэзию все остальное, переезд состоялся.

Пирошников нервничал. Ровно в полдень мебельный фургон с грузчиками подкатил к дому на проспекте Ветеранов, где Пирошников жил последние четыре года. Грузчики принялись таскать вещи, а Владимир Николаевич стоял у открытого борта и курил, чтобы справиться с волнением. Последний переезд... Как ни пытался, не мог избавиться от этих слов, навязчиво вертевшихся в голове.

– Тыфу ты, черт! Не на кладбище же еду! – негромко воскликнул он, дождавшись, когда грузчики удалятся за очередной порцией вещей в квартиру, где наблюдал за погрузкой ее хозяин.

Вещей, правду сказать, было немного. Письменный стол и книжный шкаф – хранилище самых любимых книг, остальные были разбросаны по прежним адресам Пирошникова, – журнальный столик, диван, телевизор, два чемодана с носильными вещами и нехитрая хозяйственная и кухонная утварь, а также небольшая стиральная машина, холодильник и микроволновка. Не считая кресла, пары стульев и табуреток.

«Немного нажил...» – с усмешкой подумал он.

И опять мысли сами собой устремились в прошлое, стараясь отыскать вешку, начиная с которой он перестал думать о своем высоком предназначении. Но ее не обнаруживалось, поскольку мелочи быта, рутина существования, подобно трясине, затягивали Пирошникова все глубже, откуда уже нельзя было сделать шага ни в какую сторону.

Служила ли оправданием необходимость кормить семью и обеспечивать ей мало-мальски сносные условия существования? А может быть, и оправдания никакого не требовалось? Откуда взялся этот внутренний прокурор, который время от времени восставал в душе и произносил свое грозное: «Что имеем предъявить?»

И сразу все ужасно мельчало: дом, семья, работа, стихи. Нечего было предъявить по большому счету. «Да и некому!» – мысленно заканчивал Пирошников.

Такой ответ родился лишь в последние годы, с началом нового века и нового тысячелетия. И может быть, он был еще ужаснее, если вдуматься, хотя как бы снимал личную ответственность с самого Пирошникова.

Богу, только ему, можно было что-то предъявить, не опасаясь глумления и непонимания. Он добр, он примет все, что есть. Но не настолько добр, чтобы простить.

Мысль Пирошникова уперлась в тупик как раз вовремя, потому что фургон подкатил к дверям магазина «Гелиос» и грузчики бодро принялись выносить из него пустые стеллажи и перевязанные пачки книг. Софья Михайловна суежилась меж ними, особо охраняя свой компьютер и маленький сейф, обычно пустой, деньги в нем никак не держались.

Затем Пирошников, уступив своей сотруднице место в кабине, переместился в темное пространство фургона, где присел на стопке книжных пачек рядом с парнями, подчиненными Геннадия. Задние двери закрылись, и Пирошников оказался в крошечной тьме. Фургон тронулся.

– Слышь, отец, что за книги везем? – спросил из темноты чей-то голос.

– Стихи, – коротко ответил Пирошников.

– Стихи-и? – изумленно протянул вопрошавший.

Наступила пауза.

– Да, стихи, – наконец прервал ее Пирошников с некоторым вызовом и вдруг принялся читать любимое:

Не дай мне Бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума,
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил, не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад.

Когда б оставили меня
На воле – как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я задыхался бы в чаду
Нестройных шумных грез...

Он дочитал стихотворение до конца в полной тишине, не считая шума мотора, разумеется.

Снова наступила пауза.

– Батя, ты это... не переживай, – снова произнес тот же голос. – Мы это... перенесем нормально.

«Они это перенесут», – отметил про себя Пирошников, по привычке перенося смысл с буквального на метафорический и относя его к своей затее с магазином и вообще ко всем стихам.

Это его успокоило.

– Заходите к нам, мы завтра же откроемся, – предложил он. – Минус третий этаж, бокс номер семнадцать.

– Это где пиво у Геннадия?

– Где пиво, да, – подтвердил Пирошников.

Но тут уже и приехали. Владимир Николаевич лично сопровождал Софью Михайловну в бункер, дабы смягчить первое впечатление, которое, как он опасался, могло стать роковым. Но старушка бодрилась и даже воскликнула с комсомольским задором, оглядев помещение:

– Ничего, и не такое видали!

Пирошников, как это ни странно, мысленно называл свою сотрудницу не иначе как «моя старушка», хотя Софья Михайловна была минимум на восемь лет младше него.

Парни-грузчики, расставлявшие стеллажи в магазине, были предупредительны, стараясь выполнить любое желание Пирошникова и Софьи Михайловны. Чтение стихов в темном фургоне настолько потрясло их, что они безоговорочно признали Пирошникова высшим существом, где-то рядом с Пушкиным.

В разгар работы явился Геннадий и, похвалив своих ребят, сказал Пирошникову:

– Вас в кафе ждут.

– Кто? – удивился он.

– Пойдемте. Увидите.

Пирошников похромал по коридору вслед за Геннадием.

Каково же было его удивление, когда в кафе он увидел за столом всех своих детей: Толика, Любу и Анюту. Они оживленно что-то обсуждали, смеясь, так что не сразу заметили Пирошникова, а заметив, вскочили и устремились к нему обниматься и целоваться.

– Папата пришел!

– Привет, Папата!

Это было его домашнее прозвище только для детей, придуманное Любой, уже когда Пирошников расстался с ее матерью, ушедшей к военврачу Кириллу Дмитриевичу. Поначалу

Любаша пользовалась этим прозвищем в одиночку, но последние четыре года, когда Пирошников стал жить один в своей квартире на проспекте Ветеранов, Толик и Анюта тоже привыкли к нему, бывая на ежегодных «Днях Отца» в начале каждого учебного года.

«День Отца» заключался в том, что Пирошников устраивал обед для детей в своей квартире, приготавливая его самолично, причем главным угощением были фаршированные болгарские перцы с помидорами – блюдо, которое Пирошникову удавалось отменно.

Прозвище Папата как нельзя лучше отражало чувство любовной иронии или, если угодно, иронической любви, с которой дети относились к отцу. Следует признать, что эти традиционные обеды и умение ненароком втягивать детей в свои дела помогли Пирошникову сплотить их. У них уже появились общие дела и увлечения, связывающие их помимо отца, и это особенно радостно было видеть Пирошникову.

На этот раз дети явились по зову Толика, предупрежденного Геннадием о готовящемся переезде, потому как Пирошников никому из детей о переменах в собственной жизни не сообщал.

А посему между ними было решено устроить Папате сюрприз – собраться всем вместе и организовать новоселье, для чего Толик заказал в кафе «Приют домочадца» угощение и питье на десятерых, включая четырех грузчиков и Геннадия, а девушки принесли с собою пироги и фрукты.

Поначалу задумано было устроить пиршество в «Приюте домочадца», но Пирошников решительно заявил, что новоселье следует справлять в новом жилище, и через полчаса, которые Владимир Николаевич провел в кругу детей, рассказывая им в подробностях, как он потерял жилье и магазин на Первой линии, все те же грузчики перенесли несколько столиков из кафе в новое помещение магазина. Там Софья Михайловна уже успела поставить на полки кое-какие книги, так что вид был почти обжитой. За столами перенесли стулья, причем Геннадий, помогавший грузчикам, следуя со стулом в руках по коридору, громогласно призывал:

– Соседи! Заходите в семнадцатый бокс на новоселье! Приглашаю! Стулья прихватывайте с собой! И рюмки не забудьте!

Он повторил это несколько раз, следуя по длинному коридору. Из дверей выглядывали соседи, провожая взглядом вереницу столов и стульев.

– Геннадий, я такое угощение не потяну, – предупредил Толик.

– Не бойсь, Толян! Фирма гарантирует! – сделал широкий жест Геннадий, и весь минус третий пришел в движение.

Глава 7. Новоселье

Кто не знает этих внезапных застолий вскладчину на сдвинутых впопыхах столах, с разноразмерными стульями, скамеек и табуреток, с разномастными тарелками, вилками, рюмками и фужерами, с раскрасневшимися от жара плит хозяйками, каждая из которых норовит выставить в центр свой пирог или салат, а мужики уже сдвигают рюмки, сгрудившись вокруг бутылки.

Есть в нашем народе тяга к такому внезапному единению, когда позвали и летишь, любя всех и каждого, потому что «хорошо сидим», потому что ладно поем, а уже наутро, мучаясь похмельем, вспоминаешь себя с тревогой нелюбви к человечеству и понимаешь, что единение опять получилось мнимым. Но ведь было к нему стремление!

Коммунальная квартира – изобретение чисто русское, явившее как редкие образцы человеческого благородства, понимания и любви, так и бесчисленные тупые склоки и хамские выходки людей, которые в иных условиях могли бы парить в поднебесье ангелами.

Что же нужно, чтобы получилось наконец слиться с ближним своим в общей печали или радости? Да вот именно общая печаль и нужна.

Хорошо подходит война, испытано неоднократно. Годится голод, неплохи репрессии, хотя всеобщая подозрительность слегка мешает.

Для радости годится почти все – от полета в космос Гагарина до выигрыша кубка по футболу.

И все равно – эти всплески кратковременны, а похмелье с печали и радости одно и то же.

На этот раз была объявлена радость – новоселье, хотя от радости до печали всего один шаг, как показывает практика и что вскоре было явлено.

Через несколько минут Пирошников понял, что руководить процессом он не в силах, и отдался естественному течению событий, заняв место во главе импровизированного стола и окружив себя детьми, то есть заняв для них места, потому что дети порхали туда-сюда с посудой, закусками и бутылками.

Место напротив, через длинный стол, занял Геннадий, фактический хозяин застолья – да он и не скрывал этого, командуя приготовлениями.

Кроме непосредственных участников переезда и новоявленных домочадцев в лице Пирошникова и Софьи Михайловны пока в качестве гостьи появилась одна Дина Рубеновна, которая не мешкая выпорхнула из своего бокса, неся какую-то армянскую сласть типа пахлавы. Как всегда, одета она была весьма изысканно, хоть и непарадно – джинсы и свитер грубой вязки, но было видно, что то и другое модно и недешево.

Не успели усесться, как нагрянули домочадцы из дальнего бокса, что напротив кафе, целое семейство Данилюков – отец, мать и сын тринадцати лет – со своею вишневой настойкой и солеными огурцами, не считая пластмассовых табуреток. Впрочем, старший Данилюк и поллитра вынул из кармана.

– Народ! – воззвал Геннадий, поднимаясь. – Этак мы до вечера собираться будем. Наливай, остальные подтянутся... Я хочу представить вам нового соседа, Владимира Николаевича, бывшего жильца нашего дома. Знаю я его уже сорок лет...

И Геннадий с рюмкой в руках, принялся рассказывать, что он знал о Пирошникове. К счастью, самых важных обстоятельств появления здесь Пирошникова и последующих приключений Геннадий не знал, иначе неизвестно, что вышло бы из этого мирного застолья.

– ...Много лет Владимир Николаевич несет культуру в массы, – продолжал Геннадий, удивляя Пирошникова не столько связностью речи, сколько безотчетным следованием укоренившимся где-то в официозе штампам... – Магазин его мы знаем на Первой линии. А здесь у нас будут стихи! Поэзия, значит! – с преувеличенным энтузиазмом провозгласил Геннадий, уже информированный своими клеветами.

– Поэзия – это прекрасно! – воскликнула Дина Рубеновна.

– Ну стихи, значит, стихи, – миролюбиво согласился Данилюк-старший и опрокинул рюмку, не дожидаясь конца тоста.

– погоди, Иван Тарасыч, я еще не все сказал, – продолжал Геннадий.

Но о производственной и общественной деятельности Пирошникова сказать было больше нечего. Не был он ни заслуженным деятелем культуры, ни персональным пенсионером... Ну сеял разумное, доброе, вечное. Только не росло оно почему-то. Скуден был урожай.

– Короче, к нам пришел уважаемый человек, – стал закругляться Геннадий, поняв, что известных ему регалий и титулов Пирошникова явно недостаточно для продолжения речи.

В дверях между тем скопилось еще человек семь домочадцев с табуретками и стульями.

– Геннадий, не томи народ! Выпьем! – залихватски воскликнул Пирошников.

И опрокинул рюмку.

– С новосельем! – провозгласил Геннадий.

– Счастья вашему дому!

– Процветания бизнесу!

Пирошников поежился. Он не любил этого иностранного слова, чаще всего означавшего не просто дело, работу, которую ты выполняешь на собственный страх и риск в расчете на негарантированное вознаграждение. С бизнесом у него связывалось что-то нечистое и нечестное, стремление выгадать, словчить, обмануть просто в силу необходимости, ибо многолетнее занятие книжной торговлей привело его к твердому убеждению, что бизнеса без обмана не бывает.

Чаще всего пытались обмануть и обманывали государство в лице налоговых органов, но иногда и партнеров. Впрочем, постоянный обман партнеров в долговременном бизнесе невозможен, иначе пострадает репутация. А государство...

Государство сам Бог велел обманывать, не то сожрет с потрохами. Такая философия сложилась с годами у Пирошникова, хотя нельзя сказать, что она ему нравилась.

Пирошников чокался с гостями, как вдруг вспомнил о Николаиче, запертом в боксе номер 19. Как же его не взяли? Законный жилец все же...

– Сейчас, я сейчас... – забормотал он и принялся пробираться к выходу.

Гости недоуменно смотрели на него.

Отперев соседнюю дверь, он сграбастал спящего на тахте котенка и вернулся в магазин, где народу явно прибыло, уже рассаживались вторым рядом, тянули рюмки и фужеры, наливали, чокались.

Появление Николаича было встречено восторженными криками и здравицами. Котенок пошел по рукам, пока не оказался у Анюты, сидевшей рядом с отцом по левую руку.

– Его зовут Николаич, – прошептал дочери на ухо Пирошников.

Анюта молча кивнула. Сообщение ее не удивило. Она вообще была сдержанна в проявлении своих чувств. Неделю назад Анюта получила аттестат зрелости, с чем Пирошников и поздравил ее по телефону, а только позавчера прошли традиционные «Алые паруса».

Тут как раз выпили за детей, тост предложила прорицательница. Дети были вполне наглядным жизненным достижением Пирошникова, тут уж не поспоришь. Все они сидели рядом, были дружны и самодостаточны. Толик работал в дилерском автосервисе «Опеля» начальником смены, а Люба три года назад закончила «Муху», как в Питере называют Высшее художественное училище, которое когда-то носило имя Веры Мухиной.

Уже вскоре компания начала дробиться, как всегда это бывает. Геннадий покинул свое место и переместился на противоположный край стола, где вклинился на своем табурете между Пирошниковым и Любой, чтобы давать пояснения. Он тихонько представлял Пирошникову соседей-домочадцев, с которыми предстояло жить.

Кроме уже известных Данилюков за столом оказались две сестры-близняшки, содержательницы салона красоты «Галатея», аспирант университета Максим Браткевич из Витебска, худой и высокий молодой человек с гусарскими усиками и еще три супружеские пары средних лет, правда, без детей.

– Дети у них тоже есть, – шепнул Геннадий. – Оставили в боксах. Они свои квартиры в городе сдают, а здесь живут в наших съемных. Получается разница в их пользу. Ну, неудобства, конечно. А что делать?

Пирошников мысленно прикинул денежную выгоду домочадцев и нашел такой бизнес-план разумным. В обмен на отсутствие собственной кухни и света в окнах.

– Наверное, много иногородних? – спросил он.

– Нет ни одного. Черножопых не селим. Хозяин приказал.

– Геннадий, пожалуйста, не употребляй при мне этого слова, – попросил Пирошников.

– Да я что? Джабраил сам так говорит, – удивился Геннадий.

– А сам он кто?

– Сам он лицо кавказской национальности, – пояснил Геннадий. – Но мы их тоже не берем. Только с питерской пропиской. С постоянной регистрацией в Питере.

– Как же так? – удивился Пирошников. – Своих – и не берет.

– Да чего удивительного? Знает он их хорошо. Понимает, во что его дом превратится, если он своих начнет селить.

– И во что же?

– В аул, – коротко ответил Геннадий. – Или в кишлак.

– Ты в кишлаке бывал?

– Мне в кишлаке без надобности, Николаич. Я в Питере хочу жить... А вы что – их любите, что ли? – вдруг изумился он.

Вопрос застал Пирошникова врасплох. Он знал, что любить их надо тоже, как всех людей. Но не знал – любит он их или нет. Скорее, относился как к своим по привычке.

– Вот то-то, – примиряюще сказал Геннадий.

– Но жить-то им где-то надо...

– Угу. Только не у нас, – кивнул Геннадий. – Если питерского разлива черно... иногородний – то пожалуйста! Вон Дина живет же, армянка, – кивнул он на прорицательницу. – А в боксе 31 семья из Казахстана. Муж казах, а жена русская. Но прописаны.

Дина сидела рядом с Анютой и что-то ей тихо втолковывала. Анюта слушала внимательно, изредка коротко отвечая. По ее лицу невозможно было определить, насколько ей это интересно.

Явился местный гармонист Витек – кудрявый белобрысый парень – без собственного угощения, но с гармошкой. Принял сто граммов на грудь и растянул меха.

– Петь будем, гости дорогие! – объявил Геннадий.

– Да у тебя тут прямо колхоз! – улыбнулась Люба отцу.

– Не колхоз, а наша деревня, – поправил Геннадий. – Подземная, – добавил он зачем-то.

А гармонист, склонив голову к гармонии, уже выводил рулады в качестве вступления. Наконец сдвинул меха и сказал деловито:

– Заказывайте.

– Вот кто-то с горочки спустился! – звонко выкрикнула первой Софья Михайловна.

Пирошников с удивлением взглянул на сотрудницу. Раскрасневшаяся от выпитого вина, она сидела рядом с близняшками из салона красоты и уже успела найти с ними общий язык, а сейчас трепетала от желания показать себя и, главное, показаться своей. Пирошников вдруг понял, что напрасно он опасался капризов своей «старушки» по поводу нового места. Это было то, что надо. Софье нужна была компания для разговоров, соседи с новостями, большие

и малые события. Одиночество на Первой линии, когда за день заходили, бывало, всего два-три человека, смертельно надоело «старушке» и вот жизнь дала ей шанс влиться в коллектив.

Витек растянул меха, и Софья затянула тоненьким, дрожащим от волнения голоском:

– Вот кто-то с горочки спустился,
Наверно, милый мой идет...

И весь стол дружно грянул:

– На нем защитна гимнастерка
Она с ума меня сведет...

Не пели только самые молодые – Люба с Анютой и Данилюк-младший. Они не знали текста. Все остальные помнили и текст, и контекст.

«Зачем нам это? – думал Пирошников растроганно, вытягивая про “безответную любовь”. – Почему отзывается в сердце? Только ли в музыке дело?»

Впрочем, он тут же, надо отдать ему должное, подумал, что стихи в популярных и даже весьма хороших песнях никогда не поднимаются до настоящих поэтических высот, да этого и не надо. Стихи и песни идут по разным каналам восприятия, как сказал бы специалист по информатике, а Пирошников просто пел себе с чувством, разве что слегка морщился, когда в хоре кто-то фальшивил.

Кажется, это был долговязый аспирант.

С ходу спели «Ой, мороз, мороз...», «Тонкую рябину» и «По диким степям Забайкалья». Народ здесь был простой, ни Окуджавы, ни Визбора не требовал. Так что культуртрегеру поэзии, каким ощущал себя Пирошников, было где развернуться в дальнейшем.

И тут как нельзя более кстати, чтобы поддержать или опровергнуть эту мысль, явились трое молодых поэтов из объединения «Стихиия».

Точнее, две поэтессы и один поэт.

Пирошников знал, насколько девушки, пишущие стихи, не любят, когда их называют поэтессами. Поэтому иногда нарочно поддразнивал их.

Этих барышень, как и молодого человека постарше, Пирошников хорошо знал. Они постоянно приходили в лавку, сдавали на продажу свои сборнички, выпущенные непонятно где и как, покупали книжки друзей и конкурентов, иногда Пирошников устраивал в лавке их творческие вечера, где они читали стихи при некотором стечении поэтической публики.

– Господа! – воскликнул Пирошников, но тут же поправился, поскольку ненавидел это обращение. – Друзья мои! К нам пришли молодые поэты! Это лучшие молодые поэты нашего города! – и первый заплодировал.

Публика подхватила аплодисменты и потеснилась, насколько возможно.

Поэты расселись, им налили вина.

Поднялась с бокалом Тоня Бухлова – девушка с тонкими чертами лица, вечно печальным взглядом и дредами, окружавшими ее красивое личико наподобие охотничьих колбасок.

Пирошникову нравились многие ее стихи, он читал два ее сборника, и всегда улыбался, видя новую Тоню, которая почему-то любила экспериментировать со своею внешностью. В натуральном виде Тоня была очень хороша, по мнению Пирошникова, а эксперименты не всегда удавались.

Вот и теперь эти дреды... Он впервые видел Тоню с дредами.

Тоня поздравила с новосельем, произнесла несколько приличествующих случаю фраз и уже хотела садиться, как черт дернул Пирошникова попросить ее прочитать стихи.

Поломавшись для приличия, Тоня достала из сумочки блокнотик и принялась читать – тихо и без всякого выражения, как это она обычно делала.

Хуже было другое. Куда-то делся также смысл стихов. Прослушав всего пару строф, Пирошников понял, что Тоня, с тех пор как они не виделись, заразилась «актуальной поэзией», подалась в «актуальщики» и принялась писать стихи без какого-либо логического смысла. Пирошников достаточно их наслушался и начитался.

Прелесть этого метода состояла в том, что можно было ставить в строку всякое лыко, как говорится, то есть первые попавшиеся слова – «и чем случайней, тем вернее». Грамматиче-

ского, а также любого другого согласования не требовалось. Получался забавный набор, который у талантливого автора все-таки как-то свидетельствовал о его способностях, не обретая, впрочем, смысла. У авторов бездарных это выглядело по-прежнему бездарно.

Однако имитировать актуальность бездарным было легче, почему это направление и перестало быть чисто экспериментальным, сделавшись вдруг модным.

кастеляншу крутую курочку
на столе пополам гребя
не замай мою строчку сорочку наволочку
у крыльца невпопад тебя, —

читала Тоня в тишине.

Народ некстати трезвел.

Тоня дочитала и села, потрянув дредами.

Раздались несколько неуверенных хлопков.

– Спасибо! – бодро провозгласил Пирошников. – А теперь Олег, прошу, прошу!

Олег Рябинкин встал и спас ситуацию. Читал он остроумные иронические стихи, вполне внятные и рассчитанные именно на эстрадное исполнение. Прием был горячий. Тоня сидела злая, народ ее не принял.

«Что же ты, лапушка, хотела? – ласково думал Пирошников, глядя на нее. – Стихи из сора растут, оно понятно, но никто не говорил, что сами они должны стать сором...»

После успеха Олега поэтесса Лиза читать отказалась, сказав, что стихов своих не помнит. Этот краткий экскурс в поэзию не отразился на общем направлении праздника. Вскоре опять стали петь, и уже кто-то заговорил о танцах. Но плясать, слава богу, было негде.

Пирошников взглянул на часы. Ощущение времени в бункере пропадало. Совершенно невозможно было сказать, который час. Оказалось – половина восьмого.

Вдруг к нему подошел Толик и тихо предложил:

– Папата, Геннадий может показать нам нашу кладовку. Помнишь?

Пирошников вздрогнул от неожиданности. Для него новое обличье дома успело заслонить тот старый дом, где с ним давным-давно происходили довольно странные вещи. В том числе и чудесные путешествия в кладовой. Но сейчас дом казался вполне заурядным, он не таил уже никаких неожиданностей.

– С удовольствием, – согласился Пирошников.

Глава 8. Кладовка

Каким теперь помнил это место Пирошников?

С игр в заброшенной кладовой, что находилась в коммуналке, где жила Наденька и куда попал в пьяном беспамятстве Владимир, началась его дружба с будущим приемным сыном, которому было тогда лет пять.

Это место сейчас вспоминалось ему как тесная затхлая комнатенка, забитая самым разнообразным старьем. Здесь стояла старая и ржавая стиральная машина и висело на гвозде велосипедное колесо, заменявшее им штурвал с надписью по латыни *beati possidentes* – «счастливы обладающие»... Да, тогда они были обладающими...

Там же громоздились пыльные книги и журналы, среди которых помнились «Крокодил» и «Огонек» с портретом Сталина в черной рамке на обложке. Там же на стеллаже стояли граммофон с самодельным жестяным раструбом и телевизор КВН-49 с линзой – редкость даже по тем временам, а сейчас и подавно.

Самое интересное было то, что телевизор работал. Они с Толиком включали его, и тогда каморка озарялась голубоватым светом экрана. По нему пробегали неясные тени, полосы, динамик трещал и шипел.

На противоположной стене висело тяжелое бархатное знамя пионерской дружины какой-то школы с приколотыми к нему металлическими значками ДОСААФ и ГТО, а также октябрятскими значками с белокурым Ильичом.

На крючках висели две облезлые шубы – одна лисья, а другая овчинная. Пирошников с Толиком облачались в эти шубы, Толик брался за штурвал, а Пирошников отдавал команды в машинное отделение через жестяной раструб граммофона. И тогда на экране телевизора возникали картины Арктики, льды и торосы, белые медведи и неповоротливые тюлени, дрейфующие полярники и советские ледоколы. В шубах было жарко, клонило в сон и, бывало, они засыпали там, сидя на стиральной машине и привалившись один к другому, пока их не будила Наденька:

– Выходите, путешественники! Приплыли. Ужин на столе.

Это было, было! И все это вмиг возникло в памяти Пирошникова вместе с теплым пыльным запахом каморки и нафталиновым запахом шуб.

Что помнил и что чувствовал Толик при воспоминаниях об этих играх, Пирошников не догадывался. Но несомненно, что кладовая была для него местом, где переменилась его жизнь и он обрел родителей.

Сестры, заметив, что Толик куда-то тянет Папату, конечно, увязались с ними. На замечание Пирошникова, что негоже оставлять застолье без хозяев, Люба заметила, что новоселье достигло такой кондиции, что остановить его может лишь землетрясение. Но землетрясений в Питере не бывает. А ухода хозяев никто и не заметит.

И все равно Пирошников попросил покинуть комнату потихоньку, по одному, чтобы не вышло демонстративно. Так и сделали.

Геннадий со связкой ключей уже ждал их у лифта – Пирошникова с детьми и котенком Николаичем, ибо Аня отказалась запираť его в боксе Пирошникова.

Выяснилось, что бывшая квартира, где жила Наденька, располагается ныне на третьем этаже и используется под офисы двух фирм: одна из них занимается продажей недвижимости в Испании и Греции, а другая ввозит и продает в России элитные вина из той же Испании, а также Италии и Франции.

– Стоимость бутылки от пятисот евро, – с гордостью сказал Геннадий.

– И покупают? – с раздражением спросил Пирошников.

– Не поверите, Николаич. Фирма процветает. И по тысяче за бутылку платят. И больше.

С некоторых пор, выйдя на пенсию и поняв, что он обречен до конца жизни возиться с книжными пачками, накладными, счетами, бухгалтерскими отчетами, чтобы как-то прокормить себя, потому что пенсия не покрывала и четверти аренды квартиры, Пирошников стал нервно реагировать на сверхдоходы некоторой части населения. Казалось бы, что ему чужие доходы? Но он считал несправедливым положение дел, когда в стране, где масса бедных, больных и несчастных, некто пьет вино по тысяче евро за бутылку.

Он злился на себя за это свое раздражение, потому что сам избрал жизненный путь, который не сулил ему богатства. Откуда эта тяга к справедливости, которой нет и не будет? Не есть ли это обыкновенная зависть?

«Ну да. Все отнять и поделить. То же самое, – подумал он с горечью. – Пускай пьют свое вино. Пусть подавятся!»

Они поднялись в лифте на четвертый этаж, и Геннадий отпер стеклянную дверь, ведущую в центральный коридор, пронизывающий все здание от первого до последнего парадного. От него в обе стороны отходили отростки коротких коридоров, бывших когда-то коридорами квартир. По сторонам тянулась вереница дверей с табличками различных ООО и АО.

Они прошли по центральному коридору и свернули в боковой – тот самый, что был когда-то коридором Наденькиной квартиры. Пирошников узнал ее по каким-то неуловимым признакам.

Он испытывал волнение, несмотря на то что после всех фокусов лестницы, продолжавшихся всего-то несколько дней, прожил здесь целых четырнадцать лет и все эти годы лестница и квартира вели себя смирно. И все же от них исходила вполне ощутимая опасность, как от заснувшего вулкана.

Здесь было всего пять дверей, все с офисными табличками.

– Вот тут... – сказал Геннадий, посмотрев на Пирошникова как-то хитро.

Пирошников огляделся. Три двери слева вели в бывшие комнаты Ларисы Павловны, Наденьки и мастерскую скульптора Кирилла. Дверей справа раньше не было вообще. Скорее всего, они появились после перепланировки кухни. Но где же дверь в кладовку? Раньше она тоже была слева, между дверями комнаты Наденьки и мастерской.

Геннадий подошел к этому простенку, представлявшему собою гладкую поверхность, отделанную каким-то красивым материалом в крупную клетку, и вынул из кармана маленький ключик, который не находился в общей связке ключей, а висел на отдельном шнурке с бирочкой.

Геннадий сунул его в неприметную крохотную замочную скважину, находившуюся ровно на темном стыке клеток, в самом перекрестии, и повернул.

Часть стены, оказавшаяся замаскированной дверью, распахнулась и открыла вход в темную комнатенку, откуда пахло пылью и плесенью.

Геннадий нырнул туда, шелкнул выключатель, и добровольные экскурсанты, притихнув, протиснулись внутрь. Пирошников шел последним.

К своему удивлению, он увидел почти то же самое, что сохранила его память. И велосипедное колесо было на месте, и граммофон с жестяным раструбом, и пионерское знамя. И уса-тый Сталин мудро смотрел с обложки траурного журнала, будто знал, что ему еще жить и жить, «покуда на земле последний жив невольник».

Исчезли лишь шубы, окончательно истлев, зато прибавилась небольшая конторка с откидным столиком, на котором лежала раскрытая тетрадь и стояла бронзовая чернильница с воткнутым в нее гусиным пером.

Толик шагнул к штурвалу и взялся за него. И сразу засветился экран телевизора.

– Лево руля! – скомандовал Пирошников.

Толик повернул колесо влево, благо, как оказалось, оно было насажено на ось в виде огромного гвоздя, вбитого в стену.

На экране возникли какие-то картинки – Арктика, снежный шторм, ледяной ветер. Сквозь это бедствие прорывался куда-то советский самолет. Пирошникову достаточно было двух кадров, чтобы он узнал кинофильм «Семеро смелых». Для детей эти картины были в новинку.

– Право руля! – скомандовал Пирошников, и на экране, вдруг сделавшемся цветным, возникли автомобили, которые с грацией слонов танцевали вальс. Это была реклама какой-то марки, Пирошников слабо в них разбирался.

– Толь, дай порулить... – вдруг несмело попросила Аня.

Толик уступил ей место за штурвалом, а Пирошников дал команду:

– Полный вперед!

Аня передала котенка сестре и встала к штурвалу. Она повернула руль, и все увидели на экране целый выводок мультяшных обезьянок, которые тоже танцевали, но под быструю ритмичную музыку.

Люба не выдержала и тоже встала к штурвалу. Ей экран показал роспись Сикстинской капеллы под органную музыку. Пирошников узнал сразу, год назад побывал там, будучи в Риме.

Он искоса посмотрел на Геннадия. Тот внимательно следил за картинками, по-прежнему хитровато улыбаясь. Не иначе он управляет как-то этим экраном, подумал Пирошников.

– Теперь Папая! – дети обернулись к Пирошникову, требуя встать к рулю.

Пирошников вздохнул и обхватил пальцами обод велосипедного колеса.

Музыка на этот раз была незнакомая, но умиротворяющая и печальная. Под эту музыку на экране, вновь ставшем черно-белым, медленно и плавно большими хлопьями падал снег. Музыка была незнакомая и печальна. За кадром звучали стихи:

Идут белые снеги,
Как по нитке скользя...
Жить и жить бы на свете,
Да, наверно, нельзя...

Он давным-давно знал эти стихи наизусть и помнил голос автора, читавшего их. Почему тогда, сорок с лишним лет назад, они врезались в память? Ведь он был еще совсем молод, да и автор лишь немногим старше? Откуда им было знать про это «нельзя»? Это сейчас он знает.

– Спасибо, Геннадий. Твоя режиссура лучше моей, – сказал Пирошников, отступая от колеса.

– Так то ж когда было! Мы с Толиком часами здесь просиживали, во всех странах побывали... Скажи, Толян!

– Это точно, – улыбнулся Толик.

– А это твое? – кивнул на тетрадку и чернильницу с пером Пирошников.

– Да... – замялся Геннадий. – Чутко сочиняю. Это моя кают-компания. Секретная...

И он поведал историю этой секретной каюты в недрах фрегата «Петропавловский».

По его словам, ему удалось договориться с прорабом строительной фирмы, производившей реконструкцию дома после расселения. К тому времени Геннадий уже снискал расположение хозяина дома и был назначен начальником службы охраны объекта. Но он не поставил Джабраила в известность о своем намерении сохранить кладовую и спрятать ее от посторонних глаз. Вопрос был решен по старинке, с помощью изрядного количества водки, но кладовая была упрятана на славу. Теперь никто в доме, кроме Геннадия, не догадывался о наличии за потайной дверью целой комнаты со всяким старьем. Правда, прораб Владимир Алексеевич тоже вытребовал себе ключ от кладовой и иногда, не чаще чем раз в три месяца, ночевал там, когда был сильно выпивши и не хотел идти домой.

Геннадий же посещал кладовую часто, всегда в те часы, когда менеджеры многочисленных офисов покидали бизнес-центр. Тогда в пустынном коридоре появлялся Геннадий, щелкал замок и владелец каморки будто исчезал в стене.

Жаль, что этого никто не видел.

Пирошников слушал эту историю со вниманием и тихой завистью, поскольку иметь потайное место, куда можно было бы спрятаться от всех глаз, было его заветной мечтой.

Однако пора было возвращаться к гостям.

Выходя из кладовой в бывший коридор коммуналки, блиставший теперь кафелем и хромом, Пирошников вдруг почувствовал, что ощущение нереальности происходящего, возникшее в кладовой, не покинуло его. Выражалось это в бликах ламп, которые раньше горели белым мертвым сиянием, а теперь будто бы мерцали, струили свет по гладким стенам, в которых множились фигуры Геннадия, Толика, девочек и самого Пирошникова, будто шли они по ярким белым коридорам, преломляясь в пространстве наподобие лучей в гранях стеклянной призмы.

И ангелы были крылаты,
И солнцем горела слюда,
И шли мы вперед, как солдаты,
Нигде не оставив следа, —

вспомнились ему строчки забытого поэта. Легкая поступь трехстопного амфибрахия почти оторвала Пирошникова от мраморного пола и унесла вдаль, откуда уже нет возврата.

Но почему же «нигде не оставив следа»? Вот он – след неизвестного автора, в этих вот строчках! Ах, неправда, неправда, жалкие оправдания. Нигде и никогда.

И в лифте, несущемся вниз с угрозой для жизни, не покидал Пирошникова этот размер прыжков серны, гарцующей у края пропасти. Лица детей были печальны и сосредоточенны, будто приоткрылась им не дверца в тайный склад, а вход в пыльный склеп с разбитыми надеждами.

Пирошников, когда выпивал, любил думать красиво.

На минус третьем было уже тихо, лишь Софья Михайловна и Дина убирали посуду со стола, унося ее на коммунальную кухню.

– Владимир Николаевич, нашему салону предсказан успех! – радостно объявила Софья, увидев Пирошникова. – Гороскоп очень благоприятен, Дина Рубеновна посмотрела...

– И куда же она посмотрела? В рюмку? – грубовато и неуклюже пошутил Пирошников, но тут же спохватился. – Простите, Дина!

– Не стоит извинений, – лучезарно улыбнулась прорицательница. – Но свет в конце тоннеля виден безусловно.

И в это мгновение легонько звякнули сгрудившиеся на столе чашки, фужеры и рюмки, как бывает в поезде на стыках рельсов, когда звенят ложечки в пустых стаканах.

Котенок Николаич на руках Анюты издал короткое мяуканье.

– Я сейчас, – сказал Геннадий и, круто развернувшись, поспешил к лифту.

Дина улыбалась загадочно.

– Что это было? – спросил Пирошников.

– А что? Не понимаю... – насторожилась Софья.

Дети тоже ничего не заметили.

Лишь где-то в конце коридора залаяла собака.

Дети стали собираться по домам, откланялась и Софья Михайловна, пообещав завтра же в десять утра открыть магазин-салон поэзии, исчезла за своей дверью и прорицательница.

Пирошников запер дверь салона на ключ и зашел в свой бокс, принявший наконец домашний вид.

– Теперь можно жить, – объявил Пирошников котенку. – Точней, доживать, – добавил он мрачно, опуская котенка на застеленную постелью тахту...

Но Николаич ввиду своей крайней молодости отнюдь не собирался доживать, а, сладко потянувшись, изобразил на мордочке довольство и заснул сном праведника.

Глава 9. Предварительные итоги

Общий праздник новоселья, безусловно, способствовал началу работы магазина-салона поэзии. Софья Михайловна с первого же дня заимела обыкновение выносить стул, на котором она сидела, в общий коридор и встречать посетителей рядом с дверью в магазин, провожая внутрь и оставляя наедине с Прекрасным. А сама возвращалась на свой пост за новым посетителем.

Впрочем, интересовали ее не только посетители магазина, а вообще все домочадцы, спешившие на работу, в магазин или учиться, а также возвращавшиеся домой – каждому она успевала сказать слово, а иногда и завязать разговор.

Это относилось и к посторонним людям, навещавшим салон Деметры или парикмахерскую «Галатея». Лишь коренастые накачанные подростки из клуба восточных единоборств проходили мимо враскачку, не устаиваясь ее внимания... Их Софья побаивалась.

За разговорами не забывала она и своих обязанностей продавца, непременно ввертывая на прощанье что-нибудь типа:

– Заходите, чудесный Есенин появился. В супере...

Или:

– Рекомендую Губермана. Краткость – сестра таланта.

Репертуар ее был разнообразен.

Пирошников в это время обычно находился за стенкой, в своем боксе, одетый в домашний костюм и тапки, небритый и иногда в меру похмельный. Щебетанье Софьи его почему-то раздражало, и лишь ощутимый доход от продаж как-то мирил его с новой формой торговли.

Правду сказать, ощутимым он был лишь в сравнении с доходом на Первой линии. Но и эти скромные продажи Софьи позволяли Пирошникову ежедневно выпивать вечером бутылочку сухого красного (он предпочитал бордо или кьянти стоимостью не более трехсот рублей за бутылку), закусывая его сыром и предаваясь сладостно-мучительному подведению итогов собственной жизни.

Он предпочитал называть их «предварительными итогами», повторяя известную ему хитрость Сомерсета Моэма, сочинившего когда-то книжку под таким названием – как бы итоговую, а потом прожившего еще лет двадцать, так что итоги действительно оказались весьма предварительными.

Впрочем, Пирошников никогда не считал себя не то что Сомерсетом Моэмом, но даже просто в какой-то степени творческим человеком. Точнее, человеком искусства, потому как творческим Пирошников считал любого человека, а главным предметом творения почитал его собственную жизнь. Это был роман, создаваемый и проживаемый на свой страх и риск перед другими людьми – читателями, а иногда и почитателями или хулителями его жизни. В сущности, он создавал свой роман жизни именно для них – для их одобрения или порицания, но не меньше и для себя, для собственного одобрения и порицания.

Сейчас он дописывал этот роман, и та концовка, которая свалилась ему на голову в виде возвращения в дом на Петроградской стороне, весьма его занимала, потому что такой сюжетный ход им ранее не предусматривался, а значит, требовал от него значительных творческих усилий, чтобы использовать на пользу роману.

Как любитель литературы он понимал, что одна концовка не может спасти слабого романа. И сейчас он анализировал свою жизнь именно так, как критик анализирует текст.

В этом романе имелась явно преувеличенная первая часть, растянувшаяся почти на тридцать лет. Это были годы поисков себя и своего жизненного предназначения. Непонятно было, откуда взялась сама идея предназначения, почему, с какой стати юный Пирошников решил, что у его жизни есть или должно быть Предназначение? В чем оно должно было состоять? В

некоем длительном поприще, в неукоснительной миссии, исполняемой прилежно и со старанием на протяжении многих лет, или же в кратковременном подвиге?

Ему почему-то всегда казалось, что от него ждут именно подвигов. Правда, чем дальше, тем меньше. И невыполнение этих подвигов Пирошников неизвестно почему записывал себе в минус, хотя многие этого попросту в себе не замечают, с какой стати? Подвигов обещано не было.

Оговоримся: никому, кроме себя.

И сейчас, подходя к итогу своей жизни, Владимир Николаевич осознавал, как мало осталось времени для подвига, да и необходимость его все чаще ставилась под сомнение.

Причем подвиг этот неминуемо должен был совершиться по приказу Предназначения – и во славу Отечества.

Но почему Отечества, а не своего дела, призвания, семьи, в конце концов?

Так уж был воспитан.

Однако, как бы там ни было, а за прошедшие сорок лет ничего, похожего на Предназначение, в жизни Пирошникова так и не обнаружилось. Не считать же в самом деле Предназначением его длительное сожительство с Наденькой и Толиком на правах мужа и отца, так и не узаконившего эти отношения?

Поэтому умственные усилия Владимира Николаевича сосредотачивались на изъятии Предназначения из собственной жизненной программы, а еще точнее – из программы жизни вообще. Есть лишь цель – одна или много, которые человек достигает, сам же их себе и поставив. И если цель не достигнута, то винить, кроме себя, некого. Тогда как при неисполнении Предназначения появлялось не просто чувство вины, а чувство без толку прожитой жизни.

Но и с Целью выходило не все гладко. Она тоже не обнаруживалась. В каждом мелком шажке по жизни можно было найти столь же маленькую конкретную цель. Ну, например, он имел цель выйти из этого дома, уйти отсюда, избавиться от приставшего к нему наваждения. И он, непонятно как, правда, этой цели добился, почти случайно, по ходу странных событий. А дальше последовала череда столь же мелких целей, на достижение которых тратились усилия, время и иногда деньги. Найти работу, устроить Толика в школу и день за днем достигать совсем уж смехотворных целей типа достать в дом каких-то продуктов, выменять нужную книгу, попасть на спектакль в БДТ, сдать в срок задание на службе. И эти цели никак не выстраивались в цепочку, которая бы приближала Пирошникова к какой-то большой Цели, достижение которой и могло, быть может, считаться выполнением начертанного ему Предназначения.

Цель и Предназначение здесь смыкались, и выходило, что ни того ни другого он не имел.

Если же убрать Цель из жизни, то оставалось лишь бесцельное существование, в коем он себя уличал, рассматривая, как в лупу, разные периоды своей длительной жизни.

Взять хотя бы дело, каким он занимался последние пятнадцать лет, после того как стала возможной частная предпринимательская деятельность. Он выбрал книготорговлю совсем не потому, что имел склонность к коммерции, как раз этого было в нем очень мало, о чем свидетельствовала постоянно пустая касса «Гелиоса». Зная, насколько трудно было раньше купить нужную книгу, он решил помочь согражданам в этом деле, а заодно послужить и рекомендателем настоящей, высокой литературы. Так возник Салон, призванный сеять «разумное, доброе, вечное» и приближать те времена, «когда мужик не Блюхера и не милорда глупого – Белинского и Гоголя с базара понесет».

И Пруста, добавим. И Хайдеггера.

То есть здесь проскальзывало намерение «и на елку влезть, и ж... не оцарапать». Дело в том, что торгашество во всех видах было для Пирошникова, как и многих других, занятием малопочтенным, а то и предосудительным. Из литературы были известны «купцы» – не слишком симпатичное, но многочисленное сословие, исчезнувшее в советские времена. На смену им пришли «продавцы», не имевшие отношения к коммерции, ибо стояли за прилав-

ками государственных магазинов, но часто занимавшиеся жульничеством и обманом. Тоже занятие сомнительное.

Но ужаснее всего были «спекулянты», которые осмеливались, купив товара на копейку, сбавить его за рубль. За это немедленно расстреливали.

Владимир Николаевич, понимая умом, что торговля без спекуляции невозможна, тем не менее не мог смириться с тем, что книгу, которую он брал на оптовом складе за сто рублей, нужно было продавать за двести. Совесть не желала признавать такого рода заработков. Поэтому наценки у него в салоне были мизерными да и ассортимент изысканным. Он как бы пытался искупить свою спекулятивную деятельность высокой духовностью продаваемой литературы.

В результате ни там, ни там успеха не было. Спекуляция оставалась спекуляцией, только с небольшой прибылью, а духовность продавалась плохо даже с мизерными наценками.

С такими взглядами на торговлю следовало бы идти работать налоговым инспектором, но Пирошников этому ремеслу обучен не был.

Иначе говоря, шансов исполнить хоть какое-то Предназначение на этом поприще практически не наблюдалось.

...Додумавшись до этого невеселого вывода, Пирошников допил вино и вытянулся на тахте, глядя в потолок.

«Старик... – подумал он. – Жалкий никчемный старик...»

Эта мысль обожгла его, он рывком вскочил с тахты, застонав от боли в бедре, и схватив беспечно дремавшего на свой подстилке Николаича, прокричал тому прямо в мордочку:

– Нет! Нет! Нет! Ты слышишь?!

Николаич, без сомнения, слышал, потому что сморщил нос и зашипел. Но Пирошников явно обращался не к нему, а к кому-то другому, находившемуся много выше этого больничного подвала, этой последней отчаянной Родины, после которой уже ничего, лишь вечный покой.

И он был услышан. Нарастающий подземный гул поднялся снизу, пол качнулся вместе со стенами, так что Пирошников вновь упал на тахту и пустая бутылка от кьянти гулко покатилась по паркетному полу.

Это продолжалось мгновение, но было замечено всеми домочадцами.

Глава 10. Подвижка

Пирошников выскочил в коридор, успев машинально взглянуть на часы. Была половина восьмого вечера. Первое, что он увидел в коридоре, была стоящая на карачках рядом с упавшим стулом Софья Михайловна. Она теперь имела обыкновение задерживаться после окончания работы на полчаса, на час ввиду крайней своей общительности и в надежде быть приглашенной в гости к кому-нибудь из домочадцев. И действительно, попадала на чаепитие, а то и на ужин к сестрам из «Галатеи», тоже проживающим рядом со своим салоном, или к ветерану подводного флота, капитану первого ранга в отставке Семену Израилевичу Залману, крепкому еще старику, любителю Омара Хайяма.

Итак, Софья, охая и стона, ползала по коридору, пытаясь подняться. Пирошников помог ей, в то время как из многих дверей в коридор высыпали галдящие домочадцы. Молодая мамаша Шурочка Енакиева промчалась мимо к лифту, прижимая к груди годовалую дочь.

– Владимир Николаевич, видите, видите! – чуть не плача запричитала Софья.

– Что я должен видеть? – рассердился Пирошников.

Дверь напротив открылась, и на пороге возникла Дина, как всегда, одетая с иголочки, спокойная и загадочная. Она с каким-то торжеством посмотрела на Пирошникова и произнесла лишь одну фразу:

– Что и требовалось доказать...

Софья между тем закончила свою тираду.

– Вы подписку читали? Подписывали? Там было сказано, было! «Предупрежден о возможных чрезвычайных ситуациях, могущих возникнуть на месте расположения строения в связи с геологическими причинами!» – наизусть процитировала Софья.

– Какими? – спросил совсем сбитый с толку Пирошников.

– Геологическими! Землетрясение! Вы под землетрясениями подписались! – голосила Софья.

Мамаша Енакиева впрыгнула с ребенком в лифт и вознеслась на волю.

– Не подписывался я под землетрясениями, – сказал Пирошников. Ситуация все более казалась ему комичной, тем более что новых подземных толчков не последовало.

– Наука умеет много гитик, – с улыбкой произнесла Дина.

Появившийся в коридоре отставной подводник подошел к Софье Михайловне, учтиво, по-офицерски, поинтересовался самочувствием.

– Пустяки... – зарделась Софья.

– Покидать подводный корабль следует лишь в критической ситуации, – пояснил подводник. – Пока я такой не наблюдаю.

– Я тоже. Закрывайте лавку, Софья Михайловна, – распорядился Пирошников.

– Сейчас, сейчас, подниму книги, они попадали с полок... – Софья скрылась в магазине.

– На Северном флоте... – начал моряк.

– Да погодите вы с мемуарами! – к Пирошникову ринулась хозяйка Данилюк. – Что это было, Владимир Николаевич? Неужели опять началось?

– А что, раньше уже было что-то? – спросил Пирошников.

– Да так, по мелочам. Почти что ничего. Лампочки покачивались, – отвечала она.

И тут из открывшихся дверей лифта показался начальник охраны Геннадий, бережно поддерживающий за плечи всхлипывающую мамашу Енакиеву с ребенком.

– Идите домой, успокойтесь, страшного ничего нет... – напутствовал он ее, направляя по коридору к двери.

Затем Геннадий возвысил голос и обратился к домочадцам.

– Граждане, расходитесь! Ложная тревога. На улице Блохина рухнул подъемный кран. Сотрясение почвы. Аварию к утру устранят.

– Вот как! – Дина взглянула на Пирошникова с усмешкой, будто хотела сказать: «Но мы-то знаем причину».

– И пожалуйста, не надо на меня смотреть! Вы слышали! Кран упал! – окрысился на нее Пирошников. – Я здесь ни при чем!

Дина пожала плечами и скрылась в своем боксе. Успокоенные домочадцы разбрелись по квартирам.

– Можно к вам зайти, Владимир Николаевич? – спросил Геннадий.

– Заходи, Геннадий, почему нет...

Они вошли к Пирошникову, и он притворил дверь.

– Садись.

– Да я на минуточку. Дело в том, что кран не падал. Я обязан был предотвратить панику среди жильцов. Но вы должны знать, – сказал Геннадий.

– А что же это было?

– Возможно, снова начались подвижки.

– Какие подвижки? – не понял Пирошников.

– Ну вы же подписывали приложение к договору?

– Подписывал, но не читал.

– Ну тогда я расскажу с начала.

Они сели за стол, Пирошников налил вина, и Геннадий начал рассказ.

После того, как Пирошников, по выражению Ларисы Павловны «сбежал от Наденьки», а произошло это где-то в середине восьмидесятых годов, с домом начали твориться не совсем понятные вещи.

Собственно, творились они и раньше, но замечены были лишь локально. Дом, а точнее, какая-то его часть – квартира или лестница – как бы начинали иногда сходить с ума, что приписывалось обычно особому нервному состоянию какого-нибудь домочадца. Об этом и книжки были написаны, и фильм снимали.

Но дом никогда не обнаруживал желания сойти с ума целиком, как вдруг кто-то первым заметил, что он выпирает из земли – день за днем, месяц за месяцем, – по сантиметрику, по два. Через полгода уже и окна цокольного этажа, полуутопленные ранее в специальные колодцы, вылезли на свет божий целиком и обнажилась серая бетонная полоска фундамента, которая все уширялась.

По ночам перепуганные домочадцы слышали потрескивания и шорохи, кто-то улавливал голоса, которые что-то отдаленно скандировали, но это скорее всего нервные домыслы.

Дом пробудился ото сна.

Надо было срочно что-то предпринимать, а для начала исследовать – на чем, собственно, стоит это сооружение столетней давности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.